

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Знаменательное решение

Все виды искусства пользуются равной любовью и признанием в Советской стране. Каждый успех писателя, режиссера и актера, архитектора и скульптора, музыканта и живописца радует нашего читателя и зрителя. Радует потому, что этот успех, точно так же, как любое новое достижение стахановца или ученого наполняет гордостью сердце каждого художника нашей страны. Только поэтому и стал возможен тот бурный расцвет советского искусства, завезшего миру лучшие театры, самую передовую идейную литературу, лучших, всемирно признанных музыкантов, великолепные кинофильмы, воодушевлявшие людей, не жалевших жизни, на бой за великие освободительные идеи коммунизма.

Нельзя переоценить ту гигантскую роль, которую осуществляет искусство в воспитании коммунистической психологии людей. И чем дальше, тем больше искусство будет помогать партии и правительству в решении беспримиренной исторической задачи — ликвидации пережитков капитализма в сознании масс. Первое место в этой работе по праву принадлежит кино и театру, как самым массовым, самым действенным видам искусства. Миллионы зрителей смотрели «Чапаева», «Мы из Крощафта», «Трилогия» о Максиме, или «Евгения Бургундского», драматургические произведения классиков и советские пьесы на современные темы. Эта роль театра будет все больше возрастать.

Без сожаления, однако, драматургия до сих пор еще отстает и тем самым создает трудности и для дальнейшего роста театра. Наряду со значительными произведениями, завоевавшими большую популярность зрителей, большинство пьес еще не отвечает требованиям нашего времени. Большие темы современности почти не затронуты вовсе или затронуты в самой малой степени.

За последние несколько лет театры (и драматурги) не дали ни одной пьесы о героине сегодняшнего дня. Совершенно не были показаны те глубокие процессы, которые происходили и происходят в рабочем классе, привносящие каждый раз к новым изумительным образам социалистического труда. Даже проблема новой, социалистической интеллигенции не была во-время понята нашими художниками и не шла до сих пор своего спящегоского волеждения. Театры (и драматурги) очень долго занимались проблемой «перезапускающего интеллигент», но не разглядели то новое, что произошло среди интеллигенции и что сделало ее равноправным и полноценным строителем коммунистического общества. В последние годы драматурги много и успешно работали на исторической теме, но в зрелее часто дело не шло дальше более или менее точных исторических хроник.

Это не может уже удовлетворять нашего зрителя, променявшего серьезную политическую и культурную школу двадцати двух последовательных лет.

На днях в печати было опубликовано решение Совнаркома СССР об учреждении ежегодной премии имени А. М. Горького за лучшее драматургическое произведение. Этот правительственный акт имеет огромное значение для всей литературы и театральной общественности нашей страны. Он показывает, какое огромное значение придает партия и правительство театру и как много они о нем заботятся. Это ре-

шение создает серьезный стимул для работы над пьесами, достойными нашего времени, нашего зрителя.

Решение правительства создает условия для дальнейшего роста театра, для увеличения количества постановок (а с этим дело обстоит крайне неблагоприятно) и для нового качественного подъема всего советского искусства.

Конечно, в основе спектакля лежит пьеса. Без пьесы нет театра вообще. Но пьеса приобретает полную силу лишь на сцене театра. До сих пор приходится наблюдать небросовые попытки посоревноваться театры с драматургами. С одной стороны, отчаянно охватывают всю советскую драматургию; с другой стороны, говорят, что театры неохотно встречают нового автора, что, дескать, театры сами хотят создавать пьесы из того «сырья», которое им дает драматург. В этих утверждениях было немало логического и истинного. Советский театр немалым без советской пьесы. Советский театр обладает достаточными творческими силами, чтобы воплотить на сцене самые глубокие образы, найденные драматургом в нашей современности. Количественный и качественный рост драматургии, который бесспорно последует в результате того внимания, которое уделяется ей партией и правительством, обеспечит все предпосылки для дальнейшего роста театра.

Решение Совнаркома должно пробудить интерес к тем жанрам, которые по совершенно непонятным причинам относят ко «второму сорту» искусства. Особенно это следует сказать о комедии. Наш народ жизнелюбив. Он умеет и любит весело и язвительно смеяться. Казалось бы, вот увлекательная задача. Между тем у нас очень мало комедий и узок круг авторов, работающих в комедийном жанре.

Решение правительства облизит драматургов с театром. Оно устранит непреходящих посредников, которые взорываются в приуменьшении вселенских теорий, ставших своей целью вытеснить в театр драматурга-неулачника. В такой роли особенно явно выступает московская секция драматургов. Секция вместо того, чтобы заниматься исключительно творческими вопросами, «проталкивает» пьесы в театр, заставляя мимо «зрительных», составлять рекомендательные репертуарные планы и тому подобное.

Не спрашивая ни у кого согласия, секция стала постепенно превращать себя в общественную организацию в некое государственное учреждение. Секция стала организовывать диспуты, заранее «приглашая», определяя характер и тон предстоящих выступлений и т. д. Интересно, что в орбите ее деятельности меньше всего драматургов, пьесы которых идут в театрах. Нам кажется, что президиум союза советских писателей должен подумать о существовании секции в таком ее виде.

Учреждение ежегодной премии имени А. М. Горького за лучшее драматургическое произведение вызовет горячий отклик в среде всех писателей и работников театра. Оно бесспорно будет способствовать появлению новых талантливых драматургических произведений. Оно привлечет и выдвинет новые кадры авторов, любящих театр и желающих отдать ему свои силы.

ЕЖЕГОДНАЯ ГОРЬКОВСКАЯ ПРЕМИЯ

Беседа с зам. Председателя Совнаркома СССР тов. А. Я. Вышинским

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил учредить всесоюзную ежегодную премию имени А. М. Горького за лучшее драматургическое произведение. Размер премии — 25.000 рублей.

Премия имени А. М. Горького будет присуждаться на совместном заседании Комитета по делам искусств и Президиума правления Союза советских писателей. Решение о присуждении премии утверждается Совнаркомом СССР.

Комитет по делам искусств при Совнарком СССР поручено утвердить положение о премии имени А. М. Горького.

В связи с постановлением правительства об учреждении премии им. А. М. Горького зам. председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. А. Я. Вышинский высказал следующие соображения в беседе с сотрудником «Литературной газеты».

Установление ежегодной всесоюзной горьковской премии за лучшее драматургическое произведение свидетельствует об огромном внимании, которое уделяет советское правительство искусству, в частности театру и драматургии.

Я не ошибусь, если скажу, что самое могущественное по воздействию на зрителя из видов искусств — наряду с кино — театр. Советское правительство знает нужды театра и очень внимательно следит за развитием современной драматургии.

За последние годы советская драматургия добилась немалых успехов. Однако одним из крупнейших и существеннейших недостатков многих драматургических произведений, недостатков, которые особенно бросаются в глаза, является, а бы сказать, «хроникальный формализм», когда драматург ограничивает свое творчество регистрацией исторических фактов.

В силу этого целый ряд произведений даже наших выдающихся драматургов еще не дает театру возможности удовлетворить

чрезвычайно повышенные требования зрителя.

К числу основных недостатков современной драматургии следует также отнести отсутствие комедийного жанра. Идеологическое содержание многих пьес на весьма невысоком уровне. Нужны серьезные и решительные шаги вперед.

Ежегодному присуждению горьковской премии будет предшествовать всесоюзный конкурс. Одна из задач конкурса — обеспечить наше искусство высокохудожественными драматургическими произведениями, которые правильно отразили бы величие нашей эпохи, те жизненные, руководящие начала, над решением которых трудится и за успех которых борется советский народ, вдохновленный на труд, на подвиг, на победу гением партии Ленина — Сталина.

Наша жизнь содержит огромные богатства тем и чрезвычайно разнообразие красок, которые при правильном использовании должны поднять советскую драматургию до высшей ее ступени.

Нет никакого сомнения, что ежегодная всесоюзная горьковская премия будет стимулировать развитие советской драматургии, выявит десятки новых талантливых авторов, даст средствами искусства ответ на многие животрепещущие вопросы нашей современности.

Я бы хотел еще обратить внимание наших драматургов на культуру языка и форму драматургических произведений. Не нужно забывать, что советский зритель учится в театре языку, постигает его красоту и силу, учится образному мышлению и т. д. Особенно высокие требования должны быть предъявлены по отношению к драматургическому произведению и литературной форме, в которой оно написано. Горьковская премия должна обеспечить и, несомненно, обеспечит успех и в этой области.

Уверен, что горьковская премия сильно поможет дальнейшему расцвету нашей драматургии.

Рисунок художников Дени и Долгорукова.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ ХАРЬКОВА

ХАРЬКОВ. (От наш. корр.). На днях в просторном, убранном цветами зале клуба НКВД состоялся торжественный вечер работников искусств Харькова, посвященный освобождению наших единогородных братьев в Западной Украине и Западной Белоруссии.

Вечер открыла украинская писательница Наталья Забила. С яркими, взволнованными речами выступили на вечере уроженцы Западной Украины — заслуженный артист республики М. М. Крушельницкий, известный украинский художник В. Касьян и писатель А. Шмигельский.

Вдохновенную, содержательную речь произнес депутат Верховного Совета УССР, заслуженный артист республики В. Г. Крайнов.

Активное участие в организации вечера приняла харьковская организация союза писателей. С чтением своих произведений, посвященных Западной Украине, выступила труппа встреченные аудиторией украинские поэты Игорь Муратов, Терень Масонко, Степан Брылянский, Юрий Корсунский и еврейский поэт М. Замсватский.

Бурными аплодисментами приняли присутствующие письмо к интеллигенции освобожденного города Львова, зачитанное драматургом Леополдом Юхимюком.

Вечер транслировался через Киевскую радиостанцию для жителей города Львова.

АНТОЛОГИЯ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Печатается и в ближайшем времени выйдет в свет выпускаемая издательством «Художественная литература» антология украинской советской поэзии. Антология выводит под редакцией М. Бажана, Н. Брауна, Л. Первомайского, А. Суркова, П. Тычины, П. Усенко и Н. Ушакова.

«Список представленных в антологию поэтов и выбор их произведений», — говорится во вступительной статье, — далеки, конечно, от исчерпывающей полноты. Все же составители полагают, что книга покажет в верном освещении лицо украинской советской поэзии.

ЯНКА КУПАЛА

3 новой думкай

3 новой думкай, з новай песняй
Выйдеш ты на нивы,
Беларусь, на прадвесні,
Браце мой цяпляціны.

Засявай будзеш зернем,
Як бурштны алмазны
І ні хто пале не зерне
Са шыпаю цяпляціны.

Думкі палягуць іначай
Пераз долы, горы,
Ты сягнуто тое убачыш,
Што не бачыш учора.

Будзе свет табе вясёлым,
Вяселье з днём жожыны.
Не пачабыш наваколя,
Злыбды астражнай.

Будзеш важна поглядаці,
Як у пале дома
На вушы сязіны баганце,
Нібы госць вяломы.

Пра дзень заўтрашні пакінеш
Думкай думкі у горы,
Даром поўны будзе шкряпкі,
Жывёлай — аборы.

Біць не будзе пан вялможны
З твайго-ж лесу палкай,
Што ты быў неаспарожны,
Зняць забыўся шапка.

Знаць не будзеш ты век-векам
Надлой абрыдай,
Звапна будзеш чалавекам,
А не панскім малам.

У добрай долі і прыгодзе,
Радасны, шчаслівы,
Жыць ты будзеш у свабодзе,
Браце мой цяпляціны.

А. ИСБАХ

НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ

Из походного блок-нота

Мы находились на передовой линии наших войск в районе Бреста. На пригорке залегла авангардная наступательная рота. Развиваются дивизионные знамена на самом крайнем рубеже нашего Союза.

На солнце горят золотые буквы шиферного знамени, врученного дивизию белорусским пролетариями. А у знамени — часовая Лепса Якимович Кунцоров. Колония Кировского района. Могилевской области, он призван в ряды Красной Армии 7 сентября. 17 сентября перешел границу и с тех пор шагает в первых рядах наступательной армии, рядом с боевыми товарищами.

Проходили поному десятков километров в день. Чего греха таить, поход был нелегким. Но Кунцоров ни разу не слал. У себя в колхозе он был одним из лучших ударников, выработав до 400 трудодней. Ударником он был и здесь, в Красной Армии. Он шел освободить своих братьев по классу, и этим братьям он рассказывал о советских колхозах, о своем труде, о своей счастливой родине.

Он стоит, колхозник, красноармеец Кунцоров, на самых передовых линиях, он охраняет знамя своей дивизии и он несет это знамя до самых новых границ, знамя Красной Армии, покрытое славой освободительного похода.

Рядом с Кунцоровым полуживет, отлыкая, боец Павел Ефимович Герасимович, лесославщик из Бобруйска. 17 сентября

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ О ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Советские ученые работают сейчас над новыми исследованиями по истории Западной Украины и Западной Белоруссии. Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Пичета закончила работу над брошюрой «Исторические судьбы народов Западной Украины и Западной Белоруссии», которая будет издана Совгизом.

Здесь дается история этих народов с древнейших времен до наших дней. Обьем брошюры — 6 печатных листов.

Доклад В. И. Пичета по истории Западной Украины и Западной Белоруссии, который был сделан им 29 сентября в Институте истории Академии наук СССР, будет напечатан в ближайшем номере «Вестника Академии наук СССР». В журнале «История-марксист» печатается статья В. И. Пичета под названием: «Основные моменты в истории народов Западной Украины и Западной Белоруссии».

Для Института истории Академии наук СССР В. И. Пичета работает над четвертым томом трудов «Польское восстание 1830 года». В первых двух томах будет обрисовано положение Белоруссии в 1772 года по 1830 год. Третий том будет непосредственно посвящен польскому восстанию, а четвертый — ликвидации восстания и деятельности так называемого «Западного комитета».

Кроме того, Институт истории Академии наук СССР предлагает издать сборники документов и статей по истории Галиции и Волыни, а также «Исследований в Польше и Галицкой земле в XIV—XV вв.»

В Институте истории Академии наук СССР под руководством директора института академика Н. Никольского составляется двухтомный учебник для высшей школы по истории Белоруссии.

Профессор А. Савич закончил работу о Богдане Хмельницком, которая будет в скором времени издана Институтом истории Академии наук СССР. Историк А. Шустер работает над статьей о причинах распада Польского государства; историк М. Джервинс — над статьей об «Исторических традициях» в буржуазно-помещичьей Польше.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Октябрьская сессия отделения истории и философии Академии наук СССР будет целиком посвящена истории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Б. ШОУ О МИРНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР

В настоящий момент, когда поджигатели войны, взбешенные тем, что их планы раскрыты, всецело стараются помешать народным массам проникнуть в суть происходящих событий, крупнейший английский писатель Бернард Шоу сумел собрать толщу живых измышлений английских и французских газет увидеть правду и понять истинный смысл внешней политики СССР. В своих высказываниях в «Нью Кроникл», в «Таймс» и других органах английской печати Бернард Шоу подчеркивает свою солидарность с СССР.

«Я не понимаю, — пишет Шоу, — почему многие британцы так возмущаются заключением пакта между Советским Союзом и Германией. Ведь этот пакт улучшает, а не ухудшает положение Сталина всегда употреблял свое владычество в интересах мира. Он единственный человек который в вопросах мира стоит выше всяких соображений...» «Никто, — продолжает Шоу, — собственно не должен удивляться тому, что не заключен пакт между СССР и Англией, — Англией, которая в течение двадцати лет боролась с Советским Союзом и всячески чернила его».

Остановившись на переходе Красной Армии западной границы СССР на западные границы и имущества народов Западной Украины и Западной Белоруссии. Брошенных на произвол судьбы пацанским правительством. Шоу пишет: «Нам должно интересоваться, верны ли утверждения Молотова. Они явно верны по последнему слову. Мы побдили Польшу на войну нашим обещанием поддерживать ее: мы утешились немалым количеством информации о том, что польская армия не сломлена и что поляки выказывают чудеса храбрости. На самом деле, как мы должны признать, сопротивляющиеся поляки, в силу своей абсолютной безапатности, были сломлены. польская армия и польское правительство больше не существуют».

«Вести из России, — подчеркивает Шоу — это хорошие вести для нас».

ЕДИНАЯ РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ

Постановлением Совнаркома Союза ССР от 10 июля 1939 г. образована правительственная комиссия по проследительству народного комиссара просвещения П. А. Тюркина, задача которой — выработка единой орфографии и пунктуации русского языка. В состав правительственной комиссии вошли писатели А. П. Толстой, М. А. Погодин, академики И. П. Мещанинов, А. С. Орлов, С. П. Оберкович, члены-корреспонденты Академии наук В. П. Чернышев, Л. В. Шерба и Д. Н. Ушаков, профессор С. Д. Баркуларов, А. М. Суходоп, А. В. Шапиро, т. т. О. Ф. Леонова, Л. А. Железнов и Н. Г. Саткинов.

Основная задача комиссии, — сказал в беседе с нашим сотрудником проф. Д. Н. Ушаков, — устранить существующую неустойчивость в русском правописании и по возможности уточнить пунктуацию. Надо подчеркнуть, что наша комиссия не ставит себе целью произвести в этой области коренную реформу. Мы не собираемся открывать ничего нового или значительно изменять существующие правила. Мы стремимся устранить те колебания, ту двойственность, которые существуют сейчас в русской орфографии. Комиссия в своей работе не касается вопросов стилистики, грамматики и орфографии (произношения). Как надо говорить — «уславливаться» или «условливаться» репат те, кто занимается стилистикой языка. «Тракторы» или «трактора», «выборы» или «выбора» — это вопрос грамматики. Говорить «скупно» или «скушно» — вопрос орфографии. А вот решить, как надо писать «крати» или «крати», «калат» или «калат», «ресурсы» или «ресурсы», и решить, исходя из разумных оснований, предостич нашей комиссии.

Потребность в установлении единой орфографии и пунктуации очень велика. Не говоря уже о том, что почти в каждом издательстве появились свои орфографические справочники, вносящие большую путаницу и противоречия в правописание, до сих пор нет единообразия в транскрипции большого количества русских и иностранных слов, иностранных фамилий, в употреблении прописных и строчных букв, в правописании составных слов, в согласовании правил переноса.

Многое предстоит решить и в области пунктуации. Разумеется, стремление сделать из знаков препинания ноги для чтения — утопия. В пунктуации вообще неметаются две тенденции: школа, которая склонна полагать знаки препинания на службу синтаксису, требует наиболее полной и подробной пунктуации, в то время как печать стремится по возможности упростить ее, уменьшить количество знаков препинания в предложении. Здесь надо найти разумное разрешение этих двух тенденций.

Только филологи и лингвисты знают, как интересуются этими вопросами все, начиная от маленьких школьников и кончая работниками авторитетных учреждений.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

После того, как наша рабочая коллекция, изучив материалы правительственной комиссии, установит новую, четвертую, редакцию свода орфографии и пунктуации, она будет представлена на обсуждение специалистов и советской общественности. Затем правительственная комиссия установит окончательную редакцию свода, которая и будет представлена на утверждение правительства.

ЛИТЕРАТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОЛДАВИИ

Молдавская АССР празднует 15-летие своего основания. Народ Молдавии с гордостью оглядывается на пройденный им путь непрерывного хозяйственного и культурного прогресса, составляющий резкий контраст с бесправным и мучительным прозябанием в российской тюрьме народов. Дореволюционная Молдавия была своего рода «оштыным полем» феодального угнетения и зоологического национализма.

Народные массы Молдавии терпели двойной гнет: царской администрации и собственных дикарей помещиков. Народ, бесцельно эксплуатируемый, был почти поголовно неграмотен. Литература молдавская не существовала. Отдельные лица, писавшие по-молдавски, выступили с проповедью грамотности и были гаубоко враждебны народным массам.

Но это, конечно, не значит, что народ Молдавии не жил духовной жизнью. Напротив того, за свое историческое существование он создал богатейший и своеобразный фольклор. Свой протест против пиррова победы земля интеллигентов и колонизаторов народные массы Молдавии выражали в песнях грусти и тоски (дойны), а свой идеал социальной справедливости — в так называемых гайдуцких песнях. Песни эти воспевают победу племени народных героев, борющихся против богатей и развращавших богатства беднякам.

Молдавская литература родилась вместе с Молдавской автономной советской республикой. Центром притяжения молодых литературных сил из среды рабочих и крестьян послужила первая республиканская газета «Пугарул рош» («Красный парус»). Созданием в газете литературная страница «Наши литераторы» быстро перешла в литературно-художественный журнал «Молдова литерара». Приемником его является издаваемый с 1932 года журнал «Октябрь» — орган Союза советских писателей Молдавии. Через страницы этих журналов в молдавскую литературу вошло немало бесспорно одаренных людей. И сейчас на вопрос — есть ли молдавская литература, можно с полным правом ответить положительно.

Правда, процесс становления молдавской литературы как и хозяйственный и культурный прогресс всей республики немало затормозили проседание в руководящие республиканские органы агенты иностранных разведок, враги народа. Они пытались оторвать литературу от народа, сделать ее оружием буржуазного национализма. Для достижения своих целей они стремились засорить молдавский литературный язык «румынизмами» и салонным французским слогом. Заселившие в литературных организациях враги народа травляли все талантливого, обеспечивая для себя монополию печатания. Но народ не хотел их читать. А последовавший вскоре разгром этих агентов иностранных разведок и Молдавии, и созданы были условия для быстрого подъема литературы.

Отличительной чертой молодой молдавской литературы и залогом ее дальнейшего здорового развития является то, что, выходя из фольклора, корнями своими уходит в самобытное народное творчество, она развивается и обогащается благодаря идейно-художественному влиянию русской и украинской литературы.

Крупным поэтом Молдавии бесспорно является Л. Е. Корнфельд. За его плечами — шесть поэтических сборников. Корнфельд — хороший лирик, достигавший непосредственности и чистоты народных песен.

Тема произведений Л. Е. Корнфельда — счастливая жизнь молдавского народа под солнцем Сталинской Конституции, оборона социалистического отечества, безграничная любовь к Ленину и Сталину. Широкой известностью пользуется поэма Корнфельда «Родиня, мы тебэ лювим, Родиня, мы тебэ славим». В поэме ярко воплощен образ товарища Сталина, давшего счастье народу.

Б талантливой поэтической молодежи Молдавии принадлежат Ник. Пуркан, М. Подубок, В. Баркар, А. Крученюк, Д. Заршинок и В. Дорча. Особенного внимания заслуживает Ник. Пуркан. Этот 20-летний поэт является автором написанных с исключительной силой поэм. Поэтический язык его чрезвычайно образен. Бесспорно, лучшие стихотворения на молдавском языке о Ленине, Сталине, Сталинской Конституции принадлежат Пуркану.

Любовью читателей пользуется также поэт М. Подубок. Им написаны популярные песни для молдавского национального театра и молдавской хоровой капеллы. Они широко исполняются также колхозными самодеятельными хорами.

Большие надежды вызывают дебютирующие своими первыми стихами в молдавской литературе поэты и прозаики Мослам, Лулул и Яница.

Среди прозаиков нужно выделить И. И. Канина и И. Д. Чабана.

И. И. Канина повествует легко, просто и вместе с тем увлекательно. Темы его рассказов — события гражданской войны, формирование нового человека и нового быта. Популярны среди читателей также его рассказы о пограничниках.

Тонким юмором проникнуты рассказы И. Д. Чабана. Он пишет преимущественно на колхозные темы. Хороши его рассказы о детях. В этом же ряду нужно упомянуть молодого прозаика В. Г. Галица, выделяющегося своими рассказами на оборонные темы.

Молдавская литература выполняет за последние годы немаловажную роль по переводу на родной язык шедевров мировой литературы и литературы братских народов СССР. Переведены на молдавский язык лирика Пушкина, «Герой нашего времени» и другие избранные произведения Лермонтова, «Мать» А. М. Горького, «Как закалялась сталь» П. Орловского, «Путешествие Гулливера» Свифта, избранные произведения Шевченко, 1300 строк из «Давида Сасунского», песни Лелева-Кумача и др. Особенно много переведено прозы — украинской и западноевропейских языков.

К сожалению, — и это между прочим отметил бюро обкома партии в своем последнем постановлении о литературе, — молдавские писатели недостаточно активно борются за почетное право перевода их произведений на другие языки братских народов и в первую очередь, на русский и украинский, очень мало связаны с рабочими и колхозными массами.

Молдавская литература встречает славный юбилей республики конкретными делами. К юбилею подготовлены и выпускаются Госиздатом Молдавии три сборника фольклора — народных песен, сказок и поговорок и восемь оригинальных книг Корнфельда, Канина, Чабана, Галица, Барского, Пуркана, Зарешаня и Крученюка. Кроме того, выходит в свет сборник народных песен с нотами, в том числе русских и украинских песен, переведенных молдавскими поэтами.

Вышел очередной, 17-й номер теоретического и политического журнала ЦК ВКП(б) «Большевик». В номере опубликованы речь по радио председателя Совнаркома СССР тов. В. М. Молотова, произнесенная 17 сентября 1939 г., и трактат «О литературе», врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г. и нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 г. послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения к СССР.

Передовая статья «Акт исторической важности» посвящена речи товарища Молотова и решению советского правительства.

Большая статья «Могучее оружие большевизма» посвящена исполнению тов. Сталина со дня выхода «Краткого курса истории ВКП(б)». «Эту книгу любят все в нашей стране», — пишет «Большевик», — ибо в огромной силе ее теоретического богатства, в ее логичности и ясности, в ее одухотворенности и величии гения творца, величайшего теоретика нашего времени, товарища Сталина. Эта книга не могла бы выйти в свет без той гигантской работы, которая была проделана над ней лично товарищем Сталиным. Кроме того, в номере помещены статьи: И. И. Ильичева — «Классическое произведение творческого марксизма» — об одиннадцатом издании книги товарища Сталина «Вопросы ленинизма», Г. Александрова — «О хозяйственном, политическом и культурном упадке польского государства».

Отдел консультаций представил статей тов. А. Тихомирова «Западная Украина и Западная Белоруссия». Большой интерес для литературной общественности представляет опубликованная в этом номере журнала редакционная статья «О некоторых литературно-художественных журналах». В статье редакция «Большевик», между прочим, пишет: «В деле коммунистического воспитания трудящихся очень важна роль художественной литературы, художественного слова, роль писателей как инженеров человеческих душ. Однако, если мы просмотрим наши «толстые» литературно-художественные и публицистические журналы за последний год, то увидим, что большинство этих журналов явно отстает от жизни, от тех грандиозных задач строительства коммунистического общества, которые решают наша партия, наша страна, наш народ...»

В нашей литературе пока-что мало дано художественных обобщений, показывающих труд как творчество, показывающих высокий, трудовой героизм советских людей. А ведь этому учит наших читателей великий пролетарский писатель А. М. Горький.

XVIII съезд партии в докладе товарища Сталина дал директиву «развивать и культивировать советский патриотизм. Советский патриотизм является одним из движущих сил советского общества. Развивать и культивировать советский патриотизм — одна из благороднейших, высших задач и обязанностей нашей литературы...»

У нас есть ряд художественных произведений в литературе, в кино, в театре, ярко освещающих тему советского патриотизма; произведений, посвященных героической борьбе советского народа в годы гражданской войны; патриотических произведений, показывающих славные страницы из прошлого нашей родины, когда наш народ вел борьбу за свою независимость, против иностранных захватчиков и интервентов.

Далее в статье говорится, что за последнее время в нашей литературной критике наметились некоторые вредные тенденции оглушительного охаяния патриотических произведений, причем развешивание и скандализация патриотических произведений проводится либо под флагом борьбы с пресловутой «кузьма-крячковщиной» либо под флагом «высоких» эстетических требований. Одни из критиков длительное время «специализировались» исключительно на травле патриотических произведений — на другие темы он статей не писал. Почему-то никому из редакторов, печатавших его злопыхательские статьи, не бросалось это в глаза. Только тогда, когда эти «критики» оказывались разоблаченными как враг народа, редак-

«Большевик» № 17

торы спохватились и поняли, что такая «специализация» по части травли патриотических произведений была не случайна. Указав на то, что дискуссионная статья Н. Вирты «О смелости подлинной и мнимой» способствовала тому, что термин «кузьма-крячковщина» стал легкомысленно швыряться, редакция «Большевика» пишет: «Под флагом борьбы с «кузьма-крячковщиной» кое-кто стал бить по произведениям хорошим, воспитывающим наш народ в духе советского патриотизма и заслужившим высокую оценку советского народа. Так, например, критик тов. Гурвич на заседании президиума Союза советских писателей с активом подверг глумлению фильм «Александр Невский» только потому, что ему, критику, не понравилась сцена, где Охлопков в роли Василия Буслаева с оглоблей в руках бьет врагов в железных латах («Литературная газета» от 26 апреля 1939 г.). Тот же тов. Гурвич в своем выступлении требовал, чтобы в художественном произведении представлялся трибуна врагу: «Здесь возникает интересный вопрос — вопрос о трибуне противнику. Когда идет интеллектуальный спор, дайте противникам скрепя сердце. Дайте истинному герою истинную победу. Спор — это восхождение по лестнице. Эти политические неправильные высказывания не получили отпора на заседании президиума Союза советских писателей с активом».

В статье указывается затем, что под флагом борьбы с «кузьма-крячковщиной» оглушно охаживались глубоко патриотические произведения. «У некоторых литераторов», — пишет далее «Большевик», — стало чуть ли не признаком «хорошего тона» походить ругать советского поэта В. И. Лебедева-Кумача, патриотические песни которого поет вся наша страна.

Людьми, которым мерещится «кузьма-крячковщина» в каждом патриотическом произведении, кажутся неправдоподобными, невероятными и необоснованными те или иные героические эпизоды. Можно спросить этих «критиков»: ну, а как же быть с фактами изумительного героизма, которыми полна история русского, украинского народа, народов нашей страны, история гражданской войны в СССР, наконец, со славными боевыми подвигами Героев Советского Союза? Что скажут эти «критики», если в художественном произведении будут запечатлены такие факты, когда один советский летчик сбивал по 5-10 и больше вражеских самолетов, когда советские летчики совершали чудеса героизма и летного мастерства, выручая товарищей, когда советские летчики сби-

вали десятками японо-маньчжурские самолеты, сами теряя единицы, или такой факт, когда красноармеец Гольянов, весь израненный, перебил не один десяток японцев? Видимо, тоже отнесут к «кузьма-крячковщине»?

Некоторые наши критики считают себя единственными и притом непогрешимыми судьями того или иного художественного произведения, ошибочно считая, что им якобы дано право «покачивать» (т. е. избивать до потери сознания, уничтожать) почему-либо не понравившуюся им пьесу и «дисквалифицировать» автора.

На заседании президиума Союза советских писателей с активом критик тов. Альтман заявил:

«Я хочу работать с тем и помогать тому, кто, по моему мнению, создает настоящее искусство или хотя бы стремится к этому. Если я не вижу этой святой заветности художника, я его буду резко критиковать, постараюсь дисквалифицировать, или, как говорят спортсмены, покачать» («Литературная газета» от 26 апреля 1939 г.).

Под предлогом борьбы за настоящее искусство были сделаны попытки «покачивать» полезные, патриотические произведения...

Следует со всей силой подчеркнуть, что, разумеется, нельзя снижать требований к художественным произведениям, написанным на патриотическую тему, нельзя извлекать из них темы, культуру, несерьезное отношение автора к своему произведению. Между тем, к сожалению, имеются место отдельные примеры своеобразной спекуляции на важности и злободневности темы, когда читатель и артист подсовывают произведения невысокой художественной ценности, над которыми мало работали.

Несомненно, что в некоторые наши журналы проникают явно чуждые и вредные влияния, что кое-кто хотел бы увести советского писателя подальше от темы советского патриотизма...

Большим, героическим темам борьбы за коммунизм, за построение и оборону нового общества, созиданного и расширяющегося в нашей стране, противопоставляются в наших литературно-художественных журналах уход от современности, от героики, от романтики, уход в быдленщину, серость и «мелкие темы».

Редакция журнала «Большевик» приводит некоторые места из опубликованных в журнале «Октябрь» и «Красная нить» стихотворений и рассказы, свидетельствующих о том, что на страницах журналов проскальзывают иногда явно чуждые идеологические мотивы.

Далеко не все благополучно в наших журналах и со статьями, посвященными вопросам литературной теории и истории литературы. Разобрав подробно статью Андрея Платонова «Пушкин и Горький», помещенную в свое время в журнале «Литературный критик», редакция «Большевика» пишет: «Если присмотреться внимательно к этой статье А. Платонова, то можно только поражаться тому, как редакция марксистского журнала могла reproducить в печать такую путанную, как статья «Пушкин и Горький». Нет смысла разбирать все вредные и путанные положения, которые содержатся в этом «художественно-критическом» произведении».

Заканчивая статью, «Большевик» пишет:

«Приведенными выдержками из некоторых наших литературно-художественных и критико-публицистических журналов характеризуются отдельные серьезные идеологические провалы в них, отставание журналов от современности. Все это говорит о том, что руководство литературно-художественными «толстыми» журналами должно быть решительно улучшено. Решение ЦК ВКП(б) по вопросу о состоянии и работе некоторых литературно-художественных журналов указывает путь их укрепления, превращения их в четко работающие и отвечающие за свою работу органы, указывая, в каком направлении должна быть перестроена работа наших литературно-художественных журналов, чтобы они лучше выполняли свои задачи коммунистического воспитания масс».

В городских и сельских школах Западной Белоруссии началась новая жизнь. В школы поступают дети рабочих и крестьян-бедняков, обучение стало бесплатным. На снимке: школьники-новички Дойлицкой сельской школы Белостонского уезда. (Фотоклише ТАСС).

Наше СЛОВО

(Письмо поэтов-комсомольцев Литературного института ССР к трудящейся молодежи Западной Белоруссии и Западной Украины)

Пусть звенит родная песня Широко и сильно На бульварах Перемышля, На улицах Вильно.

Пусть летит голубь веселый Легко и свободно, Пусть «Японика» несется Плодами Гродно.

А земля вокруг без края, Плугом не почята. Отчего же вы грустны, Хлопши и дечваты?

Там, над Эрмучем и над Бугом, Села небогаты. Расскажите, отчего вы Покосяжите, хаты?

Расскажите о неволе, О бедняцкой доле, Как слезами полывалось Шляхетское поле.

Как боялись молвить слово Языка родного — Белорусской мягкой речи, Украинской мовы.

Нареска ушли отныне В страдные пределы Горько-горького народа, Долгие страдания.

Все обилие, все неспраду, Как бурьян, скосила Нашей Армии Червоной Молдовая сила.

От нее папы бежали По шляхам покотым. Вышли ей навстрочу Хлопши и дечваты.

Окружали комиссара Радостной толпой, Боевых коней кубанских Велик в водопой.

Старейки роняли слезы, Молотку глядели На портрет вождя народов В походной шинели.

Встаньте, братья украинцы, Братья белоруссы! Пусть на девушек сверкают Нарядные бусы.

Где топтали вашу землю Шляхтичи кичливо, — Булет полеком бо'ятыни Колоситься нива.

Песню родную любимой Грядут завалены, И бадюры зарозочут, Завенят цимбалы.

Запоют и наши песни Широко и сильно На бульварах Перемышля, На улицах Вильно.

Поэты-комсомольцы
И. БАУНОВ, Б. ЗАХАДЕР, А. КОПШТЕЙН, М. ЛУНОНИН, Л. ОШАНИН, С. СМИРНОВ, А. ЯШИН.
Принято на комсомольском собрании Литературного института.

И. ФРАДКИН

Анатоль Франс

К пятидесятилетию со дня смерти

всеческих форм политической реакции; он беспощадно карал смехом и презрением ретроградов всех мастей, но он не принимал и примитивных политических догм их противников — «огражденных простотой» буржуазной демократии и не участвовал, по выражению А. В. Луначарского, в «панурговом стаде буржуазного либерализма».

Признавая принципы буржуазной демократии и Французской революции (особенно в период года Дрейфуса) как оплот против разгрома крайней реакции, Франс в то же время понимал, что эти принципы не только не исключают, а даже необходимо предполагают буржуазное общество, к которому он испытывал мучительное отвращение, называя его «триумфатором сынониции, солдата и финансиста». Франс преклонялся перед героическим энтузиазмом народа, творившего революцию, перед благородными мечтами великих мужей 1793 года, но не закрывал глаза на трагический диссонанс между великодушными декларациями якобинцев в социальных итогах революции, обещавшей человечеству дары свободы, равенства и братства, а приспешней названной прозу капиталистического строя. Франс создал буржуазный характер Французской революции и понимал, что она уничтожает «все остальные» (аристократии). — И. Ф. лишь для того, чтобы возвести на их место денежную аристократию — наиболее угнетенную и наглую, самую могущественную из всех».

Но, понимая ограниченность буржуазной революции, Анатоль Франс не обладал той правильной исторической перспективой, которую может дать только знание марксизма. Поэтому он пришел к скептической философии аббата Жерома Куаньяра, а скептицизм — позиция малоприятная.

В мировоззрении Франса и в частности в его отношении к Французской револю-

ции тесно переплетены истина и заблуждение, здоровое и болезненное, реализм и декаданс. Но, к сожалению, некоторые писатели Запада, над которыми еще тяготеет иллюзия буржуазной демократии, не понимают всей сложности этого вопроса, не понимают того, что критика Французской революции была источником не только слабости, но в еще большей степени — силы Анатоль Франса. Мы уже не говорим здесь о нецелесообразности вульгарной социологии.

От осторожности в отношении Франса был свободен А. В. Луначарский, который раскрыл истинные достоинства романа «Боги жаждут», подобно к нему как марксист, а не как буржуазный демократ или вульгарный социолог. «С одной стороны», — писал Луначарский, — он (Франс) — И. Ф. был проникнут великим уважением к подлинным революционерам, с другой стороны, он прекрасно сознавал иллюзорность их самосознания и несоразмерность их надежд и принесенных ими (слов и чужих) жертв с достигнутыми результатами. И вот почему роман Анатоль Франса становится поистине трагическим!»

Уже «Воззрения аббата Жерома Куаньяра» (1893 г.) представляли собой в сущности философскую поэму о якобинцах. В этом произведении Франс дал отчасти справедливую критику абстрактно-идеалистической природы общественных теорий Робеспьера и его друзей. Но доктринерство будущего якобина Жана Ибу Франс противопоставляет скептицизм аббата Куаньяра, угодливого «образца мира, где все проходит и ничто не меняется», течению воды. «С того времени, как аббат Куаньяр высказывал эти мысли», — замечает Франс, — Прометей уже несколько раз свергал Юпитера, и предсказания мудреца оправдались, дословно, и новый строй настолько не похож на старый, что современники наши уже снова задумываются: не остался ли прототипом для древнего Юпитера?». Он (Франс) — И. Ф. вовсе не тот бог, приобрета-

ем национальных имуществ, крупным предпринимателем, земельным собственником и шахтовладельцем». Цит. по книге В. Динику — «Анатоль Франс». М.—Л., 1934 г., стр. 160.

боний, которого мы ждем и который был нам обещан. Это всего лишь толстоуздый Юпитер старенького и смешотворного Олимпа».

И все же общее понимание Французской революции и в частности якобинской диктатуры у Франса носит печать ограниченности. Показывая буржуазный характер революции, изображая якобинскую диктатуру прежде всего со стороны тех ее черт, которые делали ее, по выражению Маркса, «моментом в ходе самой же буржуазной революции», Франс иногда упускает из поля зрения то великое и истинное в революции, выходящее за пределы буржуазных интересов, что пережило Термидор, Империю и Реставрацию. Хотя скептицизм Франса и содержит в себе зерно истины, но в конечном счете он все же приводит в тупик, к отрицанию перспектив прогрессивного исторического развития.

В романе «Боги жаждут» Франс изображает революцию не целиком и не во всем ее историческом значении, а преимущественно одну ее сторону: столкновение отвлеченного политического идеала формальной демократии с реальной стихией экономических интересов, буржуазного индивидуализма, страстей и вождельных мира частных собственников. Эта сторона величественной исторической трагедии якобинской диктатуры воплощена в несчастной судьбе и мучительных противоречиях сознания главного героя романа, живописца, якобина Эвариста Гамлена, а также его вождей и товарищей.

Франс с благоговением изображает эпический героизм революционеров, движимых пафосом всеобщего интереса и благородной верой в то, что «революция навсегда оспаривает род человеческого». Но он сознает, что руссоистский идеализм в политике — плохая гарантия от провалов буржуазии, которой Французская революция открыла дорогу к власти. Изображая торжествующих буржуазных хищников, прятующихся пока в тени ликторовых связей, фронтисных колпаков и бровей Брутов и Публиков, Франс обнаруживает подлинно реалистическую прозорливость, историческое чутье. И сам Гамлен еще задолго до Термидора начинает испытывать смутную тревогу, мучительное сомнение, истинное сознание нависающей неотвратимой катастрофы.

Франс признает и оправдывает якобинский террор с точки зрения его непосредственных исторических целей, но без него были бы невозможны спасение революции, организация отпора интервентам и уничтожение внутренних врагов. Он бесспорно далек от морализирующего, абстрактно-гуманистического осуждения террора, которое было свойственно Гюго. Франс не возмущает рук в небо и не выражает в типично обдуманных метафорах свое негодование по поводу пролитой крови.

В романах «93-й год» и «Боги жаждут» Гюго и Франс критикуют якобинский террор совершенно различно. Гюго осуждает в нем именно беспощадность, его реальность, его кровавый характер, оскорбляющий гуманные чувства либерального интеллигента XIX века, т. е. осуждает в терроре то, что делало его «слабейшим методом расправы», употребляя определение Маркса и Ленина, Виктору Гюго, наоборот, объективные цели террора кажутся несомненными: он был преступен и одновременно благороден, но заложил фундамент прогресса и упрочил во Франции тип общественной строй, основы которого Гюго представляются разумными и справедливыми.

У Франса критика якобинского террора носит диаметрально противоположный характер. Он мог бы принять террор как средство, но решительно отвергает его объективные цели. Не средства дискредитировали цель, а, наоборот, достигнутая цель не оправдала затраченных средств. Мы хорошо понимаем, что Франс рассуждает о революциях прошлого с излишним скептицизмом. Ограниченный баланс осуждениям и затратам прежней истории подводит только социалистическая революция. И все же различие между Гюго и Франсом — типичное различие между оптимистически настроенным либералом, и более глубоким писателем, которому до некоторой степени удалось возвыситься над фетишизмом буржуазной демократии. Это превосходство исторической прозорливости Франса над либеральным энтузиазмом Гюго находит свое подтверждение в сравнительной оценке романов «93-й год» и «Боги жаждут», дающей великим социалистическим писателям Франсу и Гюго.

То, что принято считать пороком романа Франса — изображение революции со стороны ее быта в отличие от велеречивого пафоса и красочной, декоративной величественности «93-го года» Гюго, — является на деле большим достоинством. Изобразив в центре своего романа продолжительную очередь и связанное с ней возмущение народных недовольство с недостатком хлеба и с некоторыми материальными интересами плебейских масс, Франс нашел правильное объяснение индифферентности парижских секций в ночь термидорианского переворота, когда Робеспьер тлетно жал в ратуше помощи со стороны трудового населения столицы.

Мы высоко оцениваем революционные традиции 1789—1793 г. Но, устанавливая историческую преемственность между Французской революцией и современной революционной борьбой, мы не должны забывать об «идее противоположности» между революцией буржуазной и социалистической, идею, которую товарищ Сталин многократно подчеркивал на протяжении последних десяти лет. Быть подлинным борцом за идеалы переворота прогрессивного человечества вовсе не значит принимать все традиционные иллюзии буржуазной демократии и повторять вместе с антикером Ома: «Я — за «Исповедание веры святого Варкария», за бессмертные принципы 1789 г.».

С этой точки зрения нужно признать, что фигура Анатоль Франса еще не получила надлежащей оценки.

Это понятие, поскольку речь идет о буржуазно-демократических писателях, считавших принципы 89-го года в их «чистом» виде абсолютным благом и потому отвергавших Франса, поливышего до осознания исторической ограниченности этих принципов. Но когда подобные же упреки по адресу Франса повторяют и советские критики (см., например, оценку Франса в книге Н. Рыловой «Современная французская литература», 1939 г.), то это факт печальный не только потому, что он ведет к односторонней и ложной оценке Франса; он свидетельствует о том, что некоторые наши товарищи, вместо того, чтобы бороться за идеологически направляющую роль в литературном движении и оказывать марксистско-ленинское теоретическое влияние на зарубежных писателей, зареявших глазами иллюзиями буржуазного демократизма, сами как бы растворяются в потоке неопределенной демократической фреологизации, считая еще при этом, что такова их высокая политическая миссия.

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА Г. ФИША

Броме Ближних Мельниц, прекрасно описанных Валентином Катаевым, есть в Одессе и Дальние Мельницы. Это ряд тихих зеленых улиц, на которых живут рабочие окрестных заводов.

Недавно на Дальних Мельницах, за Джугтовой фабрикой возникло несколько домовиков и к ним приехали опытные участники. Вскоре жители узнали, что здесь расположился Институт селекции и генетики. А через несколько лет от этого института к его руководителю, академику Лысенко, заговорили вся наша страна, да и весь мир.

И вот сюда, на Дальние Мельницы, пришел Геннадий Фиш. Есть хорошая пороода лягушек, постоянно отправляющаяся на поиски нового. Процесс «ожидания в люди» у них не прекращается никогда, они способны увлечься делом других людей до того, что начинают ощущать его своим делом. Так было с Паустовским, когда он поехал на Кара-Бугаз, так было и с Лысенком, отправившимся на Шамир в Дальний Восток. В то время как другие проводили в странствовании только серию добросовестных и именных чисток поназавательное значение очерков, сами оставаясь в стороне, за пределами книг, такие писатели, как Паустовский и Ланин, привозили из дальних окраин самих себя. Их чувство поэзии, их ощущение мира настолько тесно сближалось с делами людей, о которых они рассказывали читателю, что можно было сказать: они отправлялись искать не только запятанный внешний материал, но и утверждать свое мировоззрение художника.

Сказанное относится и к Геннадию Фишу, который только что выпустил интересную книгу «Вредная черепашка и теленукус». У Геннадия Фиша — дар сказочника. И отправляясь на поиски нового, он всегда шлет в нашей жизни элемент сказочности; когда же он находит именно то, что больше всего соответствует его восприятию мира и манере письма, — его ждет удача. Ярче, чем в других своих книгах, выразил себя Геннадий Фиш, на мой взгляд, в «Ягубе». Книга эта, представляющая собой пень лукавых побасенок, рассказанных балагуром и весельчаком (иногда казалось, что читаешь сборник старинных народных сказок), была по-настоящему хороша тем, что жарко дышала современностью, тем, что писатель сумел найти сказочное в новых формах жизни, то-есть в колхозах, на стройках, в социалистическом соревновании.

Вступив на территорию Института селекции и генетики, Геннадий Фиш проявил себя не репортером с записной книжкой, то-есть человеком, говорящим «с чужого голоса», а художником, знающим, что ему нужно и чего он ищет. А искал Геннадий Фиш современную сказку.

О чем бы рассказало нам перо журналиста? С пользой для себя мы прочли бы очерк о деятельности института, о его методах и достижениях, но очерк этот, изложенный более или менее плавным слогом, был бы только частностью. А за сказкой Фиша видна наша жизнь.

История, рассказанная Фишем, весьма драматична. Она начинается не в институте, а на полях Ольгинского района в Донбассе. Вдалеке Пропошло летевшие черепашки, а черепашка — это летящий серовато-желтый большой клоп, который перелетает по двести пять километров, но иногда ставит рекорды и на двести... Этот клоп сестет собеса, а его личинки сосут волос.

Замечательно то, что в Ольгинском районе сразу позвонили об институте Лысенко и отправили туда телеграмму-молнию с просьбой о помощи. И мы сразу чувствуем то новое, чем богата наша жизнь. В институте черепашкой почти не занимались и как бороться с ней, не знали. Но это

институт новой, советской формации. Все пришло в движение. События на Ольгинских полях и требования колхозников заставили институт заняться тем, чем он не занимался. В разрыве времени неожиданных событий мы постигаем существо советской науки и поэзию практической жизни.

Академик Лысенко прочитал в одной из книжек, написанной учеником Даскелевым, о том, что существует на свете такое маленькое-маленькое насекомое — назидник, теленукус, и он откладывает свои яички в яички черепашки, и так как эти яички развиваются быстрее черепашиных, то выведшиеся личинки теленукуса питаются содержимым яичек черепашки и тем самым уничтожают ее возможное потомство.

Сотрудники института съездили по стране, начинаются поиски и размножение теленукуса, почтовые конторы отправляют странные посылки с клопами, научная работа проводится в одно и то же время по всей Украине, и Геннадий Фиш отлично рассказывает о том, как постигалась на ходу новая наука, как неожиданно возникло множество научных проблем, и как преодолевались труднейшие препятствия. Не словами, но риторично показывается Фиш, как наукой стали заниматься во всех колхозах, и вот этот краткий, легкий, с приятным юмором рассказ лучше сотен заметок и статей дает представление о великих преимуществах колхозной системы.

Почитав казу, произошедший с Фишем. Увеличился (на взгляд ученых сотрудников института, чрезмерно) сказочным в работе Лысенковцев, Фиш раньше времени возмечтал в газете о том, что черепашкой будет летом покончено: сотрудники уяснились, их засыпали письмами, требованиями, а дело еще не окончено и результаты неизвестны. Один из них жаловался Лысенко:

«Может быть, шпалю я действительно глубоко надругал, когда прошлась с Фишем, но обязательств в такой категорической форме, ей-богу, я не давал...»

Что, если обязательства окажутся невыполненными?

«... мне придется повеситься тогда, что ли?»

Но Лысенко ответил:

«Нет... Придется работать так, чтобы действительно навести черепашке сокрушительный удар, и тогда нам легче справиться».

Можно было бы послать письмо с опровержением, можно было обругать редакцию газеты, но ведь надежды-то уже вызваны, и люди в селах ждут, мечтают. Как быть с ними? Ученые избрали более трудный путь: оправдать обещания, не ими данные. Люди слишком быстро поверили, они восприняли сказку как правду, и советские ученые добились того, что сказка стала правдой.

Книгу переписать трудно — она вся полна увлекательных и поучительных событий. Драматично положение перелетает в ней с забавными анекдотами, но как в драме, так и в пьеске виден кипищий, озабоченный и поэтический мир нашей действительности.

Автору не удалось как следует разработать характеры ученых, однако же отдельные черты советского ученого в книге запечатлены — черты практической поэзии, высшего проявления народности в науке. И пусть иные главы написаны слишком бегом, и Фишу иногда изменяет перо художника, он спотыкается кое-где, придавленный тяжестью материала, — все же есть в этой книге то, что дано автору право говорить о ней как о первой главе будущих сказок. Самое ценное, что за озабоченностью героев книги видно и будущее их, будущее всех нас. Надо сказать еще, что Геннадию Фишу вдобавок повезло. Издательство «Молодая гвардия» вдруг, на миг, оживилось и прекрасно оформило книгу, снабдив ее остроумными иллюстрациями художника А. Мак-Риз-

В городах Западной Белоруссии. На снимке: девушки-добровольцы рабочей гвардии города Вильно. Фото кинше ТАСС

ЛЕВ ШАПИРО

«Сын орла»

У Плеуна нет ни отца, ни матери. Он смел и силен, но он боден и не может взять в жены любимую девушку.

— Я слышал, — сказал как-то Плеун своему припомому отцу, — один старик говорил: счастья кругом много, только его нужно искать...

— И-и... — протянул Кыган. — Это старик правильно сказал. А сказал он тебе, что найдешь счастье только ловя, сильный ты да крепкий сердцем удержит. А ты как себя знаешь? Ловить ты — права; сильный ты — права. А сердце твое крепко? Это нужно узнать.

И Плеун отправляется в долгие и опасный путь добывать счастье. Он побеждает злые силы природы, промышляет зверя и рыбу. Слова о его бесстрашии и мужестве быстро разносятся по селениям. Он возвращается в свое стойбище, платит большой выкуп отцу любимой девушки и берет ее в жены. Пятидесятый и любознательный, изобретательный и способный человек, он становится самым уважаемым человеком в своем народе. Он находит «секрет», переделывает рыболовную снасть, и никто не может сравниться с ним в улове. Но Плеун не видит в этом ничего сверхъестественного, он знает, что только труд поднимает человека, спасает его от всяких бед.

Человек сам творец своего счастья — такова основная тема этой хорошей книги. Безродный юноша, которого раньше презрительно называли «ыгк-хаврип» (незаконнорожденный), становится героем своего маленького народа, он побеждает не только стихию, но и прерасуды, веру в злых и добрых духов, которые приносят счастье. Своими подвигами и делами он убеждает людей в том, что человек не должен ждать, он может и должен отвоювать свое счастье у природы.

В работе Плеун забывает обо всем, работа измечтает его болезней, без работы человек вянет, и даже песни его становятся неинтересными. Плеун чувствует это, добившись личного благополучия и долгое время оставаясь дома со своей молодой женой. И когда старый Кыган, пришедший отец и советник Плеуна, говорит ему: «Размяк ты...» — силы снова возвращаются к Плеуну, он вновь обретает желание действовать, бороться, совершать подвиги. Но личное счастье, о котором он мечтал и которого добился, уже не удовлетворяет его. «Почему... у нас грязные юрты, — думает он, — разве не из чего строить жилища?.. Мы мало работаем, вот почему! У нас как следует даже собой

Трофим Борисов. «Сын орла», Далгиз. 1939.

ловить не умеют. За нашими собоями тунгусы и якуты приходят. Как заставить нивхов (гиляков) работать?»

Плеун хочет, чтобы весь его народ жил богаче, лучше. Он передает свой опыт, организует более выгодную, чем раньше, торговлю с другими народами, обединяет стойбища гиляков для борьбы против грабителей-хунгузов. В последнем бою Плеун погибает от руки хунгуза, но он пробудил стремления к лучшей жизни в народе, который уже не может жить по-старому. И подвиги Плеуна остаются в песнях.

Рождение песни, ее сила и помощь человеку в борьбе особенно ярко выражены в повести. Тема эта пронизывает все повествование и совершенно органична в произведении о народе, находящемся на низкой ступени развития, когда все свои действия, каждое явление природы человек выражает в песне. Песни примитивны, — человек верит о том, что его окружает, но они мудры, народ выражает в них мечту о лучшей жизни. Некоторая наивность, безыскусственность придает этим песням особую поэтичность. Многие из них звучат, как самостоятельные художественные произведения, подлинно народные. Таковы песни о первом луче солнца и богатыре, песня о китайской принцессе, песня о силе песни, наконец, песня, в которой выражена основная тема повести. Эту песню поет Плеун, достигший личного счастья. «Мир велик, но наша жизнь втиснута в узенькую беровую пурту. И мнится она по дорожке через густую тайгу, тупит ее собаяи, — разве там добрые и худые служки, которых мы сами векораним. Пас четверо на этой маленькой парте. Случай-собаяи мчат, я управляю. Держите крепче в руках плоды нашей любви, наше будущее! Когда мы начинали путь, — он был в гору. Собаяи плохо тянули. Я шел рядом с нартой. Я подошел к вам, даскал вас почти беспрестанно. Но вот мы на вершине нашего счастья, а у счастья всего только одна вершина... Я должен смотреть только вперед, перекачивая с одной стороны нарты на другую, чтобы не удариться о пень, чтобы не разбить себе ногу, чтобы не оборвался повод, чтобы не убежали беспрестанно в своем беге собаяи...»

Герои книги жизненны, они даны каждый со своими недостатками.

Автор не уделает ложной экзотикой, что, к сожалению, так часто происходит с русскими писателями, пишущими о других народах, населяющих Советский Союз. В повести нет ничего показного. Автор хорошо знает жизнь людей, о которых пишет, и раскрывает тему, глубоко проникает в быт и психологию гиляков. В этом, кроме художественной ценности книги, ее познавательное значение.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ ИЗ РАДИОКОМИТЕТА СССР

Уважаемые товарищи! Считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые досадные несправильности, которые допускаются докторами в их речи. Я не сомневаюсь, что они руководятся указаниями авторитетных лингвистов, но, на мой взгляд, эти указания не всегда беспорядны. Как русский писатель, воспитанный на классической литературе и, кажется, неплохо знающий родной язык, я не могу не высказать своего мнения, хотя бы по поводу двух-трех конкретных фактов.

1. Почему-то принято в двух словах, связанных штирными: «Москва-река», не склонять собственного имени (жаргонная форма). Между тем, в классической литературе и разговорной речи бывших лет эти два слова склонялись.

У Лермонтова: Как, скользя, собирались Удалье бойцы московские На Москву-реку, на кулачный бой.

У Тургенева: «... На берегу Москвы-рени, недалеко от Буянова...»

У Купцова: «... по берегу Москвы-рени тянулись длинные сады...»

«... Стена пересекала Москву-реку...» Хотя Пешковский и допускает неслыханное произношение, но этот «либерализм» — только дань местному жаргону.

Парод поет: «Вниз по Волго-рени...» Вывод: надо реабилитировать литературную склоняемую форму этих двух слов (и других подобных им).

2. Есть более или менее ясные формальные признаки, которые определяют расстановку ударений в внимательном надежде единственного числа существительных ж. р.

Рука — на руку Пога — за погу Голуба — на голубу Голуба — на голубу

Ударение на предлоге — сдвиг ударения на первый слог.

Река — на реку, в реку, через реку свеча — на свечу строка — на строку, через строку дуга — за дугу, через дугу

Федор ГЛАДКОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В 1940 ГОДУ

На сессии отделения литературы и языка Академии наук СССР, состоявшейся в Ленинграде, утвержден план работы на 1940 год.

Институты Академии наук взяли на себя обязательство закончить в будущем году историю русской литературы. Ленинградский институт подготовит следующие тома: седьмой и девятый тома истории древнерусской литературы, а Институт им. А. М. Горького — второй том истории советской литературы.

В будущем году Ленинградский институт начнет работать над новым капитальным трудом — историей русской критики и журналистики.

В 1940 году значительно продолжится и серия истории западной литературы. Ленинградский институт должен подготовить первый том двухтомной истории итальянской литературы, охватывающей средние века и эпоху Возрождения. Институт им. А. М. Горького подготовит вторые тома истории древнегреческой и английской литературы.

Сессия признала также необходимым включить в план Института им. А. М. Горького разработку научной схемы истории американской и русской литературы.

Сессия утвердила обширный план издания собрания сочинений классиков — Радищева, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Глеба Успенского и Д. И. Писарева, столетий юбилей которого исполняется в будущем году. Институт мировой литературы в будущем году подготовит к печати пять томов академического собрания сочинения А. М. Горького.

нет ударения На предлоге — ударение сохраняется на последнем слове.

Примеры: «на Москву-реку, на кулачный бой»... «Закнул гребень свой в реку... Видал я на своем веку...» (Грылов). «Я затлею свечу воску ярого».

3. Существительные множ. ч. м. р. гурты — в гуртах, а не гурты — в гуртах зонты — при зонтах, а не зонты — при зонтах

Фронты — на фронтах, а не фронты — на фронтах Форты — на фортах, а не форты — на фортах

Морские порты — в морских портах, а не порты — в портах

4. Дикторы произносят: «Топливная промышленность»; «добыча угля». Такие нелепые ударения можно объяснить только влиянием учрежденческого, чиновничьего жаргона. В прежние времена доморощенные политики из мешан гурлили союз вместо союз.

Нельзя допускать, чтобы дикторы произносили: «Сорочинская ярмарка», назло: «Сорочинская ярмарка», не молодежь, а «молодежь» и т. д.

5. Некоторые актеры в передаче народной русской речи упорно произносят прилагательные г (h): «шворить», «шпорхлый», «Енор», «мазаин», «шубы», «пошубить»... А ведь актеры должны знать, что русскому языку свойственно только взрывное г (за исключением двух-трех слов). Южнорусский диалект (оесский, донской) совершенно не типичен для основного говора русского народа. Артисты почему-то убеждены, что там именно говорят русские люди. Такие же извращения допускают артисты театра им. Вахтангова в пьесе «Егор Булычев». Волжанин, особенно «кокашник», никогда не говорит «Янор»; они скажут: «Ягор». Надо знать особенности русских диалектов, чтобы верно и характерно их передать. Наша задача в том, чтобы вести борьбу за очистку русского языка от звукового со-

Творчеству Пушкина Институт им. Горького посвятит сборники: «Пушкин — родоначальник русской литературы и создатель русского литературного языка», «Мастерство А. С. Пушкина», «Словарь А. С. Пушкина» и «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина».

По истории русской литературы XIX века институт подготовит к печати также сборник исследовательских работ о Салтыкове-Щедрине и сборник исследований «Жизнь и творчество Л. Н. Толстого».

Большой интерес представляет серия сборников песен народов СССР, подготовляемых Ленинградским институтом. Намечено издание 50 сборников, охватывающих песенную культуру 60 братских народов. В план будущего года включено издание сборников песен Калмыкии, Мордовии, Татарии и народов Крыма.

Большое внимание в плане будущего года уделяется вопросам литературной теории. Оба академических института намечают издание сборников статей по теоретическим вопросам. Сборник Ленинградского института включает работы, посвященные проблемам влияния русской литературы на мировую, и работы, затрагивающие вопросы социалистической эстетики. Особые разделы в сборнике посвящаются вопросам народности литературы и вопросам формы.

С нового года решено издавать ежемесячные «Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР». В «Известиях» будут печататься научные работы по вопросам литературоведения, языка и мышления.

В. ПЕРЦОВ

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

Предчувствием и ожиданием ошеломляющего художественного синтеза нашей необыкновенной жизни кричит советская литература. Но вот вопрос — достаточно ли мы, литераторы, работаем над собой, чтобы сблизить литературные метания нашего поколения? Все ли мы делаем для того, чтобы хотя бы по частям (но от этого не менее глубоко) отразить в искусстве то новое, от чего в жизни захватывает дух? Почему не расширяется круг тем, разрабатываемых нашей литературой? Почему в последние годы в советской литературе есть известный кризис в сторону исторической темы по сравнению с темой современной? Разобраться во всех этих вопросах необходимо, чтобы дать верное направление нашей дальнейшей работе.

Историческая тема захватила наши умы и сердца прежде всего образами древнего, героического эпоса братских советских республик. В повороте к исторической теме сказались, между прочим, рост национального самосознания возрожденных народов нашей многонациональной страны. Киргизский эпос «Манас», армянский — «Давид Сасунский», запови и с беспримерной полнотой переведенные на русский язык, как и гениальный эпос русского народа — «Слово о полку Игореве», впервые широко вошли в наше культурное сознание, пленяв нас благородством и прямотой своих человеческих характеров, соизучностью моральных идеалов наших отдаленных предков с идеалами социализма.

В исторических эпопеях, поэмах и кинокартинах по-новому раскрылось славное военное прошлое русского народа: народности осмыслили свою победу в великой гражданской войне, как исторически подготовленный факт, как непреложный залог наших побед в войне гитлеровцев. Победивший народ, ослепленный на путь борьбы, на путь славы, крепит связь настоящего с прошлым в чувстве безграничной любви к матери-родине.

Стало быть, кризис в сторону исторической темы не был случайным, он был и

остается закономерным. Возражать можно только против забвения современной темы, против непонимания того, что задача отображения нового в жизни не может не быть главной в работе советского писателя. Ведь сказать о себе голосом своей эпохи можем только мы сами. Здесь мы незаменимы, потому что хотя помехи и будут писать о нас исторические романы, но они будут ставить перед собой и другие задачи. Разве это неясно, в особенности сейчас, в дни освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, когда нашему растущему возмужению все-таки чего-то нехватало бы для полноты чувства, если бы не было именно в эти дни стихов Асеева, Якуба Коласа, Лебедева-Бумача.

Но мало сказать — современная тема, нужно сказать — расширение круга современных тем до охвата всех наиболее существенных сторон советской действительности. Разве не удивительно, что социалистический город, — пятачок партии, вокзал и воспитатель деревни, мозг и сердце социалистического государства, город — творец материальных благ, обеспечивающий всем человеческие условия существования, с его напряженной жизнью планирующих и руководящих учреждений, с его неутомимой борьбой за производительность труда на своих великанских заводах, с его могучими центрами научной мысли и художественной культуры, разве не удивительно, что этот сложный притягательный мир человеческого взаимоотношения отражен в советской литературе далеко не полно. И в жизни советской деревни народилось за последние годы множество интереснейших явлений, до которых еще не коснулось перо журналиста.

Многообразный советский читатель обращается к литературе с настоятельным требованием: покажите мне в литературном произведении не только меня самого и моих друзей, но и тех людей, которых я не вижу, не встречаю с ними в повседневной жизни, но которые вместе со мной строят социализм, покажите и таких, которые мешают нам работать. Я хо-

чу, чтобы литературное произведение сократило мои «контакты» братской жизни», чтобы оно стало вылетом в познание жизни!

И читатель прав — новое поэтическое содержание литературы всегда связано с появлением в ней новых человеческих образов, с насущно необходимым заполнением «белых пятен» на карте новых в старых человеческих взаимоотношений. Если о романах Бальзака Энгельс говорил, что по ним он узнал об истории французского буржуазного общества, «даже в смысле экономических деталей больше... чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе», то разве подобная широта охвата художественного отображения жизни не должна быть и нашим идеалом? Читатель прав в своем требовании, потому что он чувствует силу и углубляет возможности своей литературы.

Жизненный опыт советского писателя на 22-м году революции, конкретное знание им советских людей разных общественных положений гораздо шире, чем то, о чем он уже первым пишет в своих произведениях. Наш долг — расширить литературные темы до пределов нашего жизненного опыта, а если понадобится, расширить и углубить наш жизненный опыт в соответствии с тем, чего ждет от нас читатель.

Конечно, «дохлой ою и престелой» ничего не открывать, но ведь так можно и жизнь прожить, не испробовав по-настоящему своих сил. С таким «благозвучием» нельзя быть художником, а взявшись даже за самую благородную тему, можно ее только выхолостить, превратить в формальную отсылку, лишив произведение той искренности и внутренней необходимости высказывания, без которой не может быть искусство.

Можно ли считать нормальным такое положение, когда, уйдя в свою работу над романом или повестью на три-пять лет, писатель, ничем другим, кроме писательства, не занимающийся, почти исчезает

с горизонта периодической печати на все это время, подобно подводной лодке, ушедшей в автономное плавание? Конечно, большая работа требует большого времени. Нельзя торопить художника в работе над эпосом великой советской эпохи, если он сам не захочет поторопиться, если он сам не почувствует неотложных сроков, которые ставят перед ним наша эпоха. Известно ведь, что А. М. Горький считал лучшей похвалой своего произведения «Мать» оценку Ленина: «Очень своевременная книга».

«Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении неслыханно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».

Нельзя не пожалеть страстно, что наши художники поторопились с созданием подобных современных книг о нашей жизни, нельзя не воспылывать волю художника в этом направлении.

Однако и писателя есть и повседневные обязанности, которых он никому переложить не может, эти обязанности которых нельзя закончить работой над большим эпическим произведением. У нас почему-то принято думать, что одна и та же рука не может держать поспешно с одинаковой уверенностью и воодушевлением кисть художника и перо публициста. Изгоняя публицистику из искусства, наши художники слова совершенно напрасно утрачивают искусство публицистики. Между тем известно, что вся история великой русской литературы от Пушкина и Некрасова до Чехова и Горького была, можно сказать, выжитым из «соименного профессора». Вряд ли кто-нибудь может сомневаться в том, что Пушкин — историк пушачевского движения, но только не именал Пушкин — художник «Капитанской дочки», но, напротив, художественный успех романа нашего гениального поэта был тесно связан с его работой как автора «Истории Пушачева» и отчасти обусловлен ею. А все-таки писание романа, повидимому, задержало тем, что Пушкин по разным причинам в первую очередь счел закончить «Историю».

А разве не таким же, как Пушкин,

гениальным «многозапочником» разнообразной литературной работы был А. М. Горький, литературная деятельность которого протекала у нас на глазах, хотя подлиннее ее размеры оставались неизвестными вплоть до самой его смерти. Когда выяснилось, что только за последние три года жизни (1933—1936) Горький — иезый вдохновитель и докладчик первого съезда писателей, неутомимый публицист, огненные разрывы выступлений которого на страницах газет и журналов мы постоянно чувствуем, всеобъемлющий читатель всех рукописей и всех выходящих книг, была выяснилось, что этот человек с третьим одного летнего написал за то же время свыше 40 печатных листов своей замечательной эпопеи «Клим Самгин» плюс рассказы, плюс переделка заметок «Вассы Железновой», то у меня — думаю, не у меня одного — было жгучее ощущение отрыва от сознания своей праздности.

Иные, конечно, могут сказать в объяснение творческой производительности Горького и в свое оправдание — Горький, мол, гений, чего вы от нас хотите? Только того же, чего Алексей Максимович требовал от себя — работать в полную меру своих возможностей.

Горьковская традиция внутренней мобилированной готовности, постоянного творческого бодрствования, выражающаяся в разнообразном и систематически выполняемом литературном труде, не остается без продолжателей и в старшем поколении наших художников слова и в его молодом пополнении. И тем не менее большинство наших писателей — должники жизни. Нужно не брезгать никакой работой, чтобы выбиться из долгов. И нужно научиться работать в литературе на многих страницах, сочетая большое и малое, эпическое и злобное, нужно не бояться отлучения от искусства в публицистику, потому что в нашем литературном деле больше, чем в каком-нибудь другом, трудно сказать наперед, где найдешь, где потеряешь. Речь здесь, конечно, идет не о том, чтобы набить себе руку в разных литературных жанрах, а о том, чтобы множить и укреплять разные формы своего общественного влияния. Высказываясь, публикуя, размышляя писателя над тем или другим явлением нашей бытострекающей жизни должны чаще по-

являться в нашей периодической печати, со страниц которой почти исчезли очерк и фельетон.

Кстати, о взаимоотношении эпического и злобного. Злобное — злобное — поному рознь. Перечитывая Маяковского для отбора стихотворений в одноименные «Избранный Маяковский», который должен выйти к 10-летию со дня смерти поэта, я не мог не пережить с особой остротой в исторические сентябрьские дни злобности его эпоса и эпичность его злобных вещей. До чего обо всем написал вперед этот человек, который ходил среди нас, с которым мы здоровались за руку! Конечно, есть у него немало поэтически незавершенных стихов на темы дня, в которых он, поэт-трибун, бил, по его собственному выражению, «сырными фразами». Но как не выделиться из таких стихов — отключено на злобу дня, — например, частушки о метро, в которых есть обязательные строчки в духе его стихов для детей:

Во Москве-реке карась смочит

в дырочку сквозь грязь. Под рекой быстрой налима поезды прохоят мимо.

Это было написано в 1925 году, когда в Москве только появились первые электрельчики для метро. И вот поэт с таким обостренным чувством нового сказал о себе:

Я в долгу перед Бродвейской лампочкой, перед вами, багдасские небеса, перед Красной Армией, перед всеми, перед всем, про что не успел написать.

Он был человек долга, и учиться у него — это значит прежде всего воспитываться в себе чувство долга. Это чувство сильных и смелых людей, которым сопутствует удача.

Литературная газета № 56

Недавно в Тбилиси закрылся 2-й съезд советских писателей Грузии. На снимке — общий вид зала заседаний съезда (на первом плане, справа направо): О. Форш, С. Михалков, А. Абешели. (Фоток. тип. ТАСС.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ГРУЗИИ

Сокращенная стенограмма доклада тов. С. ЧИКОВАНИ на съезде грузинских писателей 25—28 сентября с. г.

...Товарищи! Мне поручено развернуть перед вами картину состояния грузинской литературной критики, выявить ее положительные и отрицательные стороны, указать ее творческие задачи и перспективы. Заранее должен отметить, что мой доклад — это заметки писателя, впечатления писателя о литературной критике.

Художественная критика призвана воспитывать и формировать эстетическую культуру народа так же, как поэзия, как любой жанр литературы и искусства. Поэтому литература и художественная критика должны развиваться путем взаимодействия, они должны стоять на одинаковом уровне.

Сейчас в нашей критике безусловно заметны рост и более высокое качество. Но еще остается одна серьезная опасность: критики часто пишут о таких произведениях, которые их совершенно не интересуют и не волнуют, а пишут, как бы выполняя какую-то обязанность перед литературой. Пушкин говорил, что вдохновение так же необходимо в геометрии, как и в поэзии. Тем более необходимо оно в литературной критике. Нельзя писать о художественном произведении равнодушно, индифферентно. Мы требуем от критики большой страсти, большой остроты и любви к литературе. В истории литературы много примеров близости поэтического творчества и критического мышления. Баратынский первый назвал Пушкина Петром Великим в русской поэзии, а Илья Чавчавадзе первый раскрыл поэтический гений Николоза Бараташвили, титаническую силу таланта Важа Пшавела. Эти примеры учат нас необходимости контакта и общения между писателями и критиками. У нас сейчас нет еще такого контакта. О советской поэзии за последние годы написано немало хороших критических статей. Но их основной недостаток заключается в том, что они не показывают и не объясняют творческого своеобразия, специфику того или иного поэта. Например, статьи А. Сулава о грузинских поэтах, написанные с большой любовью и вниманием, не дают представления о творческой индивидуальности поэта. Причиной этого служат и то, что в нашей поэзии замечаются однообразие и монотонность красок и мотивов.

Грузинская советская поэзия безусловно имеет большие творческие успехи и она заслуженно пользуется известностью и признанием за пределами Грузии, но, к сожалению, однообразие метафор, образов, размеров, богатые лексика и фотографирование жизни были нередкими явлениями в нашей поэзии. Часто встречаются стихотворения, которые написаны глаголом, по всем законам версификации, но в них нет поэтического творческого начала, нет так называемого лирического сюжета. Стихотворная иллюстрация фактов или осторожные настроения поэта еще не со-

дают поэзии поэзии. Поэтическое произведение должно раскрывать все новые и новые стороны жизни и обрабатывать их новыми средствами поэтической выразительности. Нужно подыять тему до вершин поэтического искусства, обобщить ее до уровня философских идей эпохи. Наши критики слабо борются за это.

Критика, как правило, перестала заниматься вопросами мастерства поэта, его лексикой, его своеобразных творческих путей и возможностей. Если судить о литературе по статьям большинства наших критиков, создается впечатление, как будто все писатели пишут одинаково и не отличаются друг от друга. Критики избегают высказывать свои собственные мнения о книгах. Если кто-либо успевает дать произведению ту или иную оценку, то остальные уже не решаются заново, по-своему оценить это же произведение. Создается штампы и вариации одного и того же мотива. Некоторые критики избегают писать о современной советской литературе и свою энергию направляют главным образом в сторону популяризации классического наследия. Например А. Гаперелия, автор ряда талантливых очерков о грузинских классиках, мало и редко пишет о современной литературе. Мы требуем от критики и литературоведов, чтобы они активнее участвовали в борьбе за современную художественную культуру, за литературу социалистической эпохи.

Наши критики не разрабатывали творческих проблем советской литературы. Например, до сих пор имеет место большая путаница в вопросе о пародии нашей литературы. Некоторые поэты пародию понимают как стилизацию стиха под мотивы народной поэзии и не замечают, что здесь пародия поэтика полагается примитивной художественной формой. Великие поэты Грузии XIX в. Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе дали нам замечательные образцы поэзии, близкой чувствам и мыслям народа, говорящей на понятном и любимом народом языке. Критика должна помогать литературе в разработке таких важных проблем нашей художественной культуры.

За последние годы много сделано по изучению классического наследия в грузинской литературе. Следует особо отметить исследовательские труды Г. Николоза, П. Ингороза, Ш. Радзани, А. Гаперелия, Г. Леонидзе, А. Барамидзе и др. Но нам нужно еще глубже изучить богатейшее наследие классической грузинской литературы. Нам нужна более яркая и сильная, насыщенная идеями Ленина — Сталина литературная критика, освещающая пути развития советской литературы, формирующая вкус и сознание советского народа.

Писательская общественность должна всячески поддерживать авторитет критики и помогать делу ее развития и роста.

А. РАГОЗИН

«ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ»

В повести Р. Фраермана «Дикая собака динго, или повесть о первой любви» («Красная новь» № 7) много печали.

Печален самый сюжет повести. Хорошим советским людям не удалось личная жизнь. В судьбе их нет ничего фатального или исторически обусловленного. В пережитом ими горе и предостерегающей разлуке не заключено возмездия за грехи или проступки прошлого. Судьба их не характерна и не типична, как не типична судьба человека, страдающего от неразделенной любви, потерю друга или тяжелой болезни. Все они заслуживают лучшей участи, большего счастья и большой удачи. Но им просто не повезло.

Пятнадцатилетняя девочка Тая живет вместе с матерью в маленьком городке на Дальнем Востоке. Тая не знает своего отца. Он разошелся с матерью, когда девочке было несколько месяцев. Спустя пятнадцать лет отец вернулся в этот город вместе со второй женой и приемным сыном Колей.

Отец не сразу нашел путь к сердцу девочки. Неповерие и обиды за мать восставали Таяю против него. И Коля не стал ее братом, он даже сделался ей ненавистен. Тая ненавидела его и за отца, и за кажущееся высокомерие, и за то, что он занимает в ее мыслях так много места.

Только у матери были хорошие отношения с отцом и его новой семьей. Так, по крайней мере, казалось Таяе. Но Тая было всего пятнадцать лет, и она много не помнила. Она не знала, что отец «не отбрасывал мысли о ней, что с любовью он проносил ее имя, которое забывал столько лет. Что даже в эту минуту, держа ее на коленях, он думал: «Улыбло мое счастье, не качал я ее на руках».

Тая не понимала, что ее ненависть к Коле — это только обида и ревность, скрывающие зарождающееся первое, неопытное чувство. Она долго не понимала и о том, что мать продолжает любить отца и что ей слишком тяжело жить в одном с ним городе.

Герои повести живут в атмосфере затененных и невысказанных чувств. Их слова часто случайны. Их поступки необдуманны и противоречивы. Они не могут объяснить, рассказать, что их утешает. Тая не может сказать отцу, как ей недостает его. «Разве», сказал ему это, она не заставила бы его измениться в лице, может быть даже победить, как не блещет он перед самым страшным штурмом — храбрый человек».

Мать упрекает Таяю: «Ты ничего мне не рассказываешь. Я все узнаю стороной: про Колю, про твою странное поведение и странное желание, за которые люди прозвали тебя дикой собакой динго. А дома ты всегда молчишь. Неужели ты боишься меня, или не уважаешь, или не любишь? Ответь мне!»

Тая повела головой. Ей трудно было говорить. — Я всегда одна, я всегда сама, — еле слышно сказала Тая. — И сама Тая бессильна разобраться в своих недоумениях. «Что со мной? — говорила она, неизвестно к кому обращаясь. — Что со мной? Откуда это все, скажите мне кто-нибудь?»

И когда все неожиданно разъяснилось, когда затененные чувства стали очевидными и уже казалась, что «так хорошо Таяе не было еще ни разу», тогда мать сказала: «Не уезжай ты нам лучше, Тая!»

Таков грустный финал повести о неустроенной и несказанной жизни хороших советских людей. Но почему же повесть оставляет безотрадного следа в душе читателя? Почему так легко и радостно читать ее?

Почему жизненная ситуация, в которой больше горя, чем счастья, в которой разлука людей, любящих друг друга, является единственной достойной разлукой, не возмущает нашего нравственного чувства? Больше того, почему изображенная жизнь в повести Фраермана кажется такым пленительным?

Повесть Фраермана по-настоящему оптимистична. Но оптимизм ее заключен не в выборе сюжета, а в выборе персонажей.

В опубликованных недавно письмах Ленина к Инессе Арманд есть замечатель-

частье: «Если брать тему: казус, индивидуальный случай... — эту тему надо разрабатывать в романе (ибо тут весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов)».

Повесть Фраермана рассказывает о казусе, об индивидуальном случае. Но за индивидуальной обстановкой, за случайными и преходящими обстоятельствами жизни героев, которые нелепо было бы обобщать, раскрываются характеры, имеющие типическое значение.

Писатель рассказывает не только о любви и дружбе своих героев. Не запущенные и сложные отношения четырех людей делают повесть интересной. Как бы ни были напряжены отношения этих людей, как бы грустно ни складывались обстоятельства их жизни, интерес читателя питается не любопытством к необычной ситуации, не желанием приблизиться к разгадке, а растущей симпатией к героям повести. Читатель входит в чужую жизнь, разделяет ее печаль и тревогу и как бы приобщается к глубоко скрытому, скромному мужеству, к сосредоточенной силе духа, с какими героями повести переносят свое испытание.

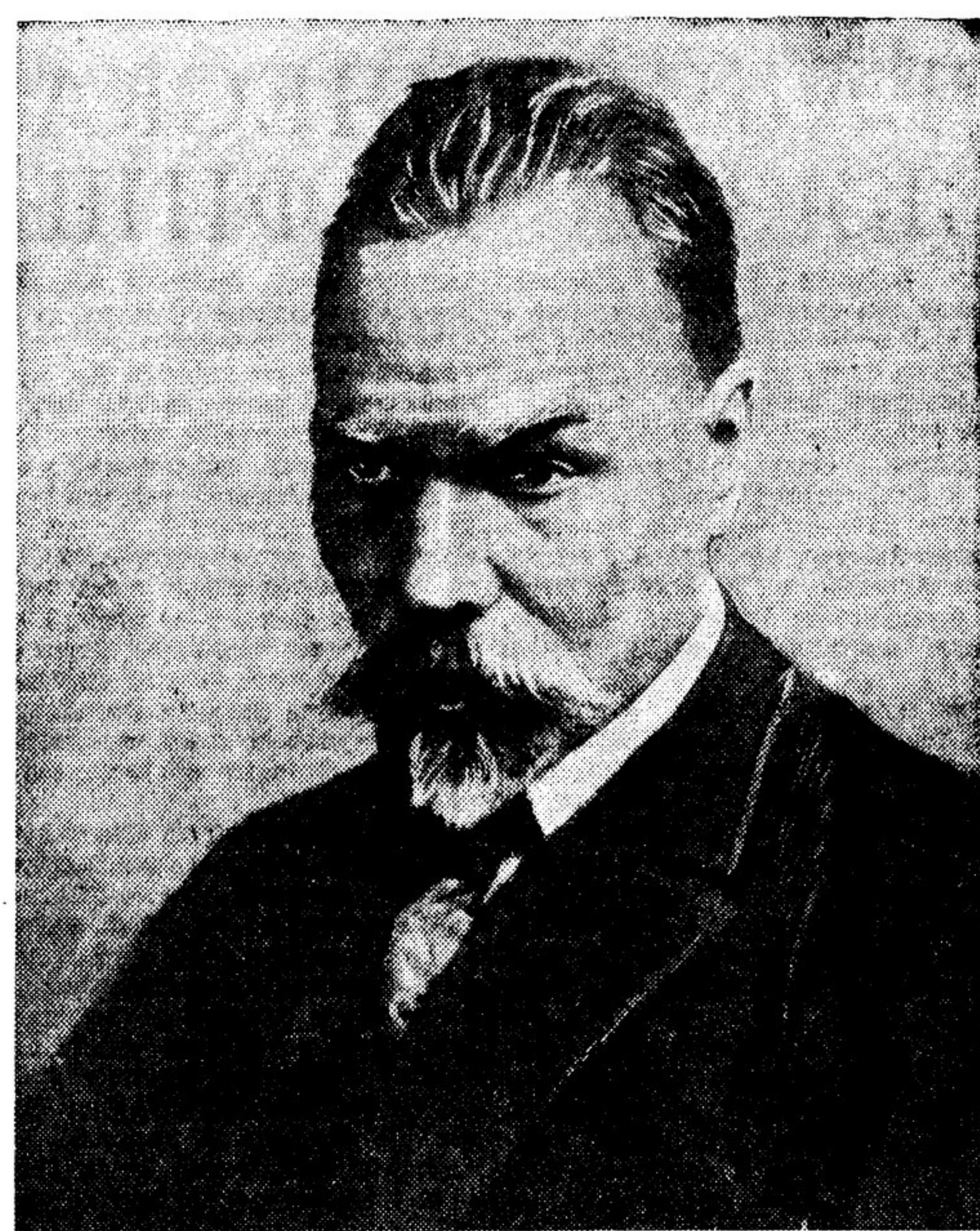
Именно эти качества — душевная стойкость, самообладание, сила духа делают героев Фраермана такими привлекательными. Чтобы показать эти качества в полную силу, писатель должен был повернуть их наизусть, а не мимолетно показать. Поэтому чувства его героев всегда серьезные и значительные. Им не дано скинуть даже на возраст. Подростки и взрослые переживают свое горе одинаково глубоко, одинаково мучительно. И благодаря тому, что писатель рассказывает о настоящем горе, а не о мимолетных детских огорчениях, ему удается так полно раскрыть созданные им образы. Заключенная в них сила духа становится предельно очевидной, почти чувственно осязаемой.

Суровой теме своей повести писатель сумел придать тонкое лирическое обаяние. Уже сама повествовательная манера Фраермана пропитана лирикой. Он часто отвлекается от непосредственного рассказа, чтобы выразить участие к судьбе героев. Он всегда с ними, и ему трудно неосознанно за них то, о чем им хотелось бы умолчать. Он окружает их чудесной северной природой, находит для их переживания и чувств трогательные и нежные поэтические образы.

Природа всегда созвучна переживаниям его героев и часто кажется омуловленной. Птицы отмахиваются от пыли своими синими лапами. Голос воллопа свеж и полон благодарности к освободившей его девочке. Дорога бежит по берегу, поворачивая то направо, то влево, словно поигнуто глядясь на реску. Туан бежит по реке, «золота над водой свои длинные ноги». Ветер крадется из-за дальнего мыса, флаг крадется в реке, звезды не уходят с неба, дожидаясь зари. Мы привыкли к сухой и точной прозе, и кажется, что достаточно одного неосторожного жамка пера, одного бездумного или неумелого сравнения, чтобы все эти образы обернулись против писателя. Но, оставаясь на грани, которая отделяет подлинно поэтическое мироощущение художника от легкого подменяющего его претенциозной манерности, Фраерман нигде ее не переступает. Его повесть от начала до конца поэтична, его образы непосредственно свежи, никогда не надуманы и подкупающе просты.

Когда-то Рескин заметил: «Настоящее первоклассное произведение столь некрикнуло, столь натурально, что относительно его не может быть споров. Второстепенное произведение сильно нравится одному и очень не нравится другому. Но первоклассное творение каждому нравится хоть немного».

Небольшая повесть Фраермана — одна из лучших вещей, появившихся в журнале в текущем году. Нет надобности определять — первоклассное или второстепенное это произведение. «Повесть о первой любви» — вполне зрелое произведение настоящего художника. Она понравится каждому читателю. И каждый читатель будет благодарен автору за произведение, в котором умный и тонкий замысел получил законченную художественную форму.

НА МОГИЛЕ БРЮСОВА

Золото опавших листьев и строение грани мрамора, эта осенняя гармония чуждо напоминала стихи В. Я. Брюсова.

На митинг, посвященный 15-летию со дня смерти Валерия Яковлевича, собрались родные и близкие поэта, писатели и читатели.

Митинг открылся прочувствованной речью П. Асеева. Вспоминала те дни своей жизни, когда он встречался с Брюсовым. П. Асеев высоко оценил обаятельную личность поэта, чьи стихи были как бы прожиты огнем трудовых усилий, чья мысль неустанно искала новых путей, ломая установленные каноны. Поэт-демократ с лицом шахтера, Брюсов еще в мрачные годы паризма превосхитил и жал революцию. Писатель гуманных идей, вечно мятущийся в поисках правды, Брюсов даже ошибавшийся, был и будет нам близок. Его образ всегда создавал впечатление прочности, внутренней силы и убежденности. Не морализируя, он учил нас трудной творческой жизни, неустремленной, без всяких уступок.

Выступивший затем К. Зелинский указал на широту культурных интересов великого поэта и ученого. Валерий Брюсов был поэтом расцвета человека. Это жизненное устремление не могло пойти опору в старом обществе. Вот почему так радостно встретила революцию Брюсов, вот почему с такой готовностью перенес он все свои надежды на революционный советский народ. Самая светлая мечта поэта сбылась — поэзия труда, поэзия знания вдохновляет всех в нашей стране.

Валерий Яковлевич мечтал также о дружбе народов. В самые глухие годы революции он стремился сделать достоянием всех читателей творчество народов, живших раньше на правах париев в царской России. Его работы над переводами армянских поэтов и до сих пор являются непревзойденным образцом. Цветы, возложенные на памятник работникам искусств Армении, — живое свидетельство любви и благодарности народов Союза.

Теперь, когда голоса поэтов десятков советских народов звучат на всех языках, когда поэты считают за честь участвовать в переводах произведений писателей и агитов и эпоса народов, — с каким творческим воодушевлением участвовал бы Валерий Яковлевич в этом празднике труда и поэзии.

Мы чтим в Брюсове, — заключил свою речь т. Зелинский, — воспитателя нашей советской молодежи, из которой произвел неслыханное впечатление всем примером своего великого труда, своей любовью, своими разносторонними знаниями, всей своей обаятельной личностью. Мы чтим в Валерии Яковлевиче человека, который с высоты знаний и культуры человечества громко сказал «нет» всему старому миру эксплуатации и безразличию, до конца связал все свои мысли и мечты поэтом, свою судьбу с пролетариатом с Лениным, с коммунизмом. Валерий Яковлевич был одним из первых советских писателей-коммунистов. Он был одним из первых, кто в обстановке обостренной борьбы и классовых измываний выступил против советской власти, явил пример честной и яркой работы на благо советской страны.

Советский народ не забывает таких людей. Советский народ высоко ценит свою интеллигенцию, которая вместе со всем народом строит царство коммунистической культуры.

Начитавшись речи, наступила тишина, обильная в этот момент, где покоится столько коротких советскому народу имен. Но вот прозвучали стихи. Сестра поэта М. Я. Брюсова, Г. Шпегель, А. Ильинский и С. Шервинский прочли лучшие стихи Валерия Яковлевича.

— Образ Брюсова, его лицо, его добрая улыбка, а главное, его стихи никогда не потускнеют в нашей памяти, — сказал в заключение Г. Шпегель.

«ЛЕНИН»

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ТЕАТРА ИМ. ПУШКИНА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). С огромным интересом ожидают в Ленинграде новую постановку Государственного академического театра драмы им. Пушкина пьесы А. Каллера и Т. Златогоровой «Ленин».

— В основу пьесы «Ленин», — сообщил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заслуженный артист республики Л. С. Вильямс, — положен сценарий известного фельдшера «Ленин» в 1918 году. Однако драматургическое произведение А. Каллера и Т. Златогоровой, поставленное средствами театра, будет значительно отличаться от кинокартины.

Роль Владимира Ильича Ленина поручена заслуженному артисту Скоробогатову. В роли Алексея Максимовича Горького, как и в фильме «Ленин» в 1918 году, артиль снова увидит народного артиста РСФСР Черкасова. Но Черкасов, не удовлетворенный созданным им в картине образом великого пролетарского писателя, дорабатывает сейчас этот образ. Новая работа Николая Черкасова представляется нам очень значительной.

Весь коллектив орлеанского театра в основном поднимает работу над постановкой пьесы «Ленин». Репетиции перенесены уже на сцену, премьера намечена на 29 октября.

А. АДАЛИС

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Мулла, молла, хаджа, хужа Насреддин, Насреддин, Насреддин — на всех языках и наречиях Ближнего и Среднего Востока звучит в теплые века его имя, милое каждому азербайджанцу, узбеку, татарину, башкиру, турку. Насреддин существует и живет как бессмертный герой фольклора. Образ его как бы материализовался, воплотился в искорененный народную любовь. Это образ народного характера: торжество несправедливой жизнеспособности и здравого смысла. Умение добить противника в споре, умение добить себе обиду, когда человек пуст, умение не плакать, когда больно, и не просить пощады, когда бьют; умение вывернуться, когда все складывается против тебя, — вот вечная тема анекдотов о Насреддине.

Но не только это. И самая суть в другом. Он не лгут и не проложа — этот маленький человек без возраста; и его история — не плутовский роман. У Насреддина есть светлый разум и благородное мужество. Он понимает и высмеивает илюзии средневековой жизни, бытующие в плесу у духовенства — у жирных мулл, святых и сулейских взяточников. И он не только понимает: он борется, разоблачает, ставит своих завсичных врагов, врагов трудящегося народа в глупые положения перед всей деревней, перед базаром, перед целым городом. Он не боится выкрикивать оскорбления и богохульства, не боится бросать вызовы аллаху. И в споре с аллахом, с муллою и святошей победи-

телем всегда оказывается Насреддин — неуязвимый и хитрый протесток. Вот в чем сила этого образа. Он заслужил свое бессмертие. В пантеоне героев мирового фольклора Насреддин глубоко оригинален. Уважения и интереса заслуживает народ Востока, сумевший так образно и раскрыть свой внутренний мир, характер. Пожалуй, можно сказать, что малейший хаджа имеет братьев в фольклорном ряду средневековых «благородных разбойников», подымавших меч на богачей в защиту бедных. Но его оружие не меч, а разум, и он разит врагов ядовитым острым словом.

Вместе с произведениями классиков и агитов в поле зрения врагов попал, разумеется, и хаджа Насреддин. Под влиянием сказок о Насреддине распространились гнусные кулацкие анекдоты. Враги народа пытались использовать этого старинного друга народа; им помогало в этом равнодушие ленивых и неразумных чиновников, которые упустили из рук сокровищницу фольклора.

Но бессмертный хаджа и тут не поддался на удочку! Фальсификация не удалась. Старый атеист Насреддин никак не играл на руку муллам и мрамобесам. Народ сам разоблачал фальсификаторов и не желал их слушать. Победоносный процесс новой жизни шел своим чередом. Несмотря на все похики, чиновенные враги, в братских республиках наступила весна культуры, расцвет искусства, яркая национальная по форме, глубоко социалистическая по содержанию.

Совсем неудачливо, что намелся русский советский писатель, которому пришла идея создать книгу о Насреддине —

легенду о легенде. Патристы показывают путешественникам в Бруссе, в Стамбуле, в нашем Пешажиксте и в десятках других мест могилу мудрого озорника хаджа Насреддина. Патристическое писательство выразилось в этом: пусть лучше хаджа Насреддин воскреснет для читателей и живей! И вместо того, чтобы показывать спорную могилу, автор книги «Возмутитель спокойствия» показывает спорное место жительства и место смерти Насреддина: Бухару средних веков.

Вероятно, любовь к узбекстанской земле, к ее истории, к прекрасным и печальным памятникам старины, к веселому, умному, талантливому народу заставила Леонида Соловьева сделать город Бухару родной землей хаджа. Научных данных для этого нет никаких. Но вместе с тем с исторической точки зрения выбор места замечательно меток и правдив. Вель Бухара, «священная» Бухара, «благородная» Бухара была некогда очагом религиозного мусульманского фанатизма, столбией мулл, имамов, муаррифов и прочих кунчиел мрамобесов. Тысячи учеников — по-нашему, послушников — проходили в духовных школах Бухары многолетний курс страшных и пустых наук. Фамиры Бухары славилась своим безразличием, а чиновники — взяточничеством. Где же было действовать и бороться несомненно гению народного здравого смысла, как не в Бухаре? У читателя даже возникает соблазнительная мысль: «а вдруг... а вдруг действительно здесь жил настоящий хаджа Насреддин в XIII веке?»

Так с самого начала Леонид Соловьев поймал удачу. В первой главе (повесть

печатается в альманахе «Год XXII») тридцатипятилетний Насреддин возвращается тайком к себе на родину, в богатую, шумную и несчастную Бухару после изгнания, на которое осудил его имр. Насреддин уже прославился во всем мире как умница и храбрый защитник бедных, но опрощено ниц и гол, и единственное его достояние — иппак, верный друг скитаний. На родине, под чужим именем Насреддин должен сызнова начать жизнь. Старый ломик и сад его родителей в разрушены имром, рылые замучены. В городе нет ни друзей, ни близких, и самое имя Насреддина в опале. Позани — бесконечные, пыльные дороги мира... Молодость прошла. Раненный воспоминаниями о детстве, плачущий о старике отце, полный горечи, он все же находит в себе неистощаемую волю к жизни. И вот он начинает свои будничные по Бухаре — маленький народный гений и его верный Россинант — иппак, конь бедняка.

Череду лирические сцены со смешными, то пленяя читателя мягкой грустью поэтических описаний, то заставляя его хохотать, автор проводит своего героя, влюбленного вдовца в дочь гончара, сквозь ряд опасных приключений, типичных одновременно и для плута, и для муаррифа, и для мечтателя.

Плут — потому, что иначе не прожить; мудрец — потому, что мудр народ, породивший хаджа; метатель — потому, что сердце хаджа открытливо и пылко. Такой характер героя. Даже в самых плутовских своих приключениях он обманывает не столько выгоды, сколько торжества разума. В торжестве разума видит для себя Насреддин источник жизни. Всюду и всегда он помогает обманутому — против обманщика, обманному — против обманки. Он честно зарабатывает себе любовь новых друзей и приятелей — бедных бухарцев. Автор старается изобразить хаджа как рыцаря,

рыцаря здоровой человеческой мысли. Побеждая всех и все своей хитростью, Насреддин, под чужим именем, становится главным приближенным эмира и пользуется этим, чтобы навести в Бухаре свой порядок, вернуть справедливый суд, освободить заключенных, помочь беднякам. Добрые и преданные друзья поддерживают Насреддина: чайханджи, кузнец, и другие бедняки. Под носом у своего злобного, но придурковатого деспота хаджа перлат Бухарой до тех пор, пока сам же попадает в сеть придворных интригеров. Но с помощью друзей он покидает Бухару, прихватив с собой молодую жену, так как ушел спасти красавицу из гарема эмира. Неудовольный, неуслезимый, он исчезает, чтобы всплыть впоследствии в городе Стамбуле.

Автор слишком любит своего героя, для того чтобы его убить. Насреддин в романе бессмертен, как бессмертен он и в самом деле: образ, созданный народом, образ фольклора никогда не умирает. Автор нашел приличный, художественный символ: конкретный Насреддин, герой романа, не может быть уничтожен, подобно тому, как не может быть уничтожена самая легенда о нем. Книга тоже как бы не имеет конца: ее последняя глава могла бы стать первой главой нового романа о дальнейших приключениях Насреддина. Благодаря этому удачному литературному приему здесь совпадают во всем линиям сюжет, тема и идея книги.

Соловьева могут упрекнуть в «эзотике» и в стилизации. Из этих двух упреков имеет под собой почву второй. Язык книги местами нарочито растянут, утяжелен обилием прилагательных продолжений. Это не столько «эзотика», сколько утомительный. К счастью, на большинстве страниц автора спасает подлинная поэтичность описаний и диалогов, помогающая читателю преодолеть и простить длинноты.

Но недостаток остается недостатком, даже если он прощен.

Что касается «эзотики» — о ней разговор особый. Эзотика эзотике — рознь. Одно дело, когда туркестанские верхоглядство и поверхностный эстетизм мешают писателю разглядеть реальный Восток, реальную природу, историю, а также человеческие отношения. Эту ложную красочность и гурманство, которыми грешит многочисленные описания восточных городов прошлого и настоящего, надо безжалостно гнать из литературы, потому что наша литература должна быть правдивой и реалистической. Но иногда реальное определение «эзотика» у нас применяется неверно, перегибая палку и гонясь за молдой критической формулировкой. Его применяют в поэтическом изображении характерных черт Востока. Такие критики забывают или не знают о том, что эти характерные черты есть и что они почас действительно глубоко поэтичны. Они не могут быть выброшены из литературы только потому, что автор должен бороться полными обилиями! Писатель, хорошо, а не скондачка знающий Восток, его историю, вправе передавать все бытовое своеобразие, не опасаясь, что он пишет «слишком красочно». Это тем более приложимо к книге Соловьева, потому что сюжет ее сказочен, легендарен.

Так нам хотелось бы защитить книгу «Возмутитель спокойствия» от весьма возможных упреков в эзотике, но одновременно заставить ее автора принять заслуженный упрек в стилизации и растянутости. А в общем Леонид Соловьев написал очень хорошую, трогательную книгу. Искать лучшее и самое типическое, что есть в старом и новом фольклоре братьев Востока, ожидать то, что достойно быть оживленным в наше время, разоблачать в темах, раскрывающих народные исторические стремления, — благодарная и своевременная задача.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ШУКИН

НА СМЕРТЬ ШУКИНА

Администрация театра получила нас. Узнав с утра о смерти Б. В. Шукина, нам, участникам утреннего шефского спектакля «Смерть Паулины», решено было ничего не сообщать. Нельзя расстраивать актеров перед выходом на сцену. Это, бесспорно, верно. Но есть вещи, доходящие до людей быстрее радиоволны. Никакие расстояния, перегородки, сознательные слоганы близких не могут уберечь человеческое сердце от ранения этикой неожиданными, как молния, вестями.

Итак, перед выходом на сцену в перерыве между вторым и третьим актами «Паулина», я, в личине Фурчалова, был ошеломлен невероятным известием о том, что одного из величайших художников нашего времени, народного артиста СССР Б. В. Шукина, больше нет в живых. Не изучены законы человеческого воображения. Воспоминания и непонятные отрывки живых представлений ронялись в моем мозгу в эти совершенно несоизмеримые интервалы времени, когда я мысленно, по обыкновению, повторял куски из фурчаловских мест в третьем акте шедшей комедии.

Я не могу это назвать даже воспоминаниями. Это был вихревой калейдоскоп облик одного человека, которые я наблюдал в течение двадцатилетнего периода служения Шукина советскому театру. Разве от буффонного, веселого, остроумного Тарталю до трагического в своей простоте и непререкаемом желании жить Бульчева — не проходит путь, знаменательный для всего развития советского искусства, советского театра! Разве тот период зрелости актера и мыслителя, которого Б. В. Шуклин достиг в своей непревзойденной работе над образом Ленина в «Человеке с ружьем» и в кинофильме «Ленин в 1918 году», не является одновременно и вершиной зрелости всего советского театра!

И вот я вспоминаю его отходящими в барвихинском санатории. Есть черты, которые навеки запоминаются в человеке, даже если ты его видел только мельком, один раз, забываешь на всю жизнь. Таковой была улыбка Бориса Васильевича Шукина. Она была застенчивой, но в ней чувствовались проблески глубокого, незаданного ума, мягкой сердечности, простоты, самой обыкновенной, теплой, радужной человеческой простоты.

Если ты хочешь узнать, о чем мечтает актер, чем «дышит его сердце», — прислушайся к его будничным, обыкновенным словам. О чем мечтал он вступая на каменные ступени разговорных? Он не знал маленьких задач перед советским актером на сцене. Он говорил: актер обязан жить в свое сознание, в свой ум, в свое сердце все, чем живет, о чем страстно мечтает народ, среди которого он живет.

Шукин считал, что каждый актер искренно и глубоко переживает все то, что он «играет» на сцене во время представления. Представитель умеет актер только то, что он сам глубоко продумал, пережил, выжит навсегда в свое сознание.

Чувство необычайной скорби всегда охватывает нас, когда мы стоим у могилы близкого человека. Во стократ жесточе эта скорбь, когда мертвый человек, лежащий перед нами, едва прожил 45 лет. Он мог бы, он должен был жить еще столько же. Свою незаурядную творческую жизнь он фактически только начал. Ведь лишь в Бульчеве, так проникновенно и пророчески угаданном Алексеем Максимовичем Горьким, завязались после спектакля, что Шуклин должен играть Ленина, Шукин показал нам всем то направление, в котором будет развиваться это будущее актерское мастерство.

Но смерть есть факт непреодолимый. Шукина больше нет. Мы все, его старшие и младшие товарищи по советской сцене, в скорби, которую невозможно выразить человеческими словами, низко склоняем головы над урной с прахом Шукина.

М. М. ТАРХАНОВ
Народный артист СССР

Тяжелую утрату понесло советское искусство. Умер Борис Васильевич Шуклин. Склонная артист, который пользовался любовью всей страны. Б. В. Шуклин был первым среди мастеров советской сцены советского поколения. Авторитет его среди работников искусства был огромным. Его знали как мастера необыкновенно выразительного, вдумчивого и серьезного. Работа Шукина заставляла и других артистов серьезно относиться к своему творчеству. Мы не забудем, что от нас ушел первый исполнитель роли В. И. Ленина в ки-

но и в театре. Б. В. Шуклин работал более двух лет, прежде чем советский зритель увидел образ Ленина на сцене и экране. Шуклин дал замечательный по силе, таланту и художественному такту облик гениальной революции.

Мы не забудем, что среди нас жил и отдавал советскому зрителю огромный свой дар умный и чуткий и глубоко талантливый художник.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

— Что значит смерть нам? — вопрошал в предсмертной тоске Бульчев—Шукин.

Эта реплика, сейчас приобретающая какой-то необыкновенный символический смысл, запомнилась и стала неотделимой от самого воспоминания о Борисе Васильевиче Шуклине. Воспоминания! Шукин мертв, его больше нет среди нас. Убы в состоянии прозрели эти слова, бесстрастная логика разума подсказывает всю беспощадность совершенного. Но сердце человеческое бунтует против этой неизбежной логики и не хочет ни согласиться с ней, ни поверить в то, что Борис Васильевич Шукин лежит мертвым в гробу на высоком постаменте, а вокруг него громоздятся десятки огромных венков из живых ярких цветов.

Я не хочу поверить в эту смерть, я не хочу с ней примириться, даже когда стою у гроба вместе с друзьями по театру, «отывая последний долг» тому, кто был каждому из нас ближе, чем товарищ, роднее, чем брат, и дороже, чем самое дорогое, что есть у нас.

Несколько дней назад мы репетировали «Ревизора». Шла сцена отъезда Хлестакова. Борис Васильевич был в каком-то особом «дуаре». Это была не случайная «сдержанность», которая свойственна актерам неврастенической, акансической природы. Мы, наблюдатели Бориса Васильевича во время его работы над этой трудной и так глубоко интересовавшей его ролью горюничего, увидели, что Шукин наконец «дошел» до решения, которое он кропотливо, с огромной затратой внутренней энергии искал в течение долгого репетиционного периода. И вот 6 октября на дневной репетиции этот эпизод заиграл у Шукина с такой легкостью и непосредст-

венностью, что мы все, его партнеры по репетиции, увлеклись его победой над ролью, и каждый из нас заиграл в этот день лучше.

Я вспоминаю об этой репетиции, и самое это воспоминание кажется мне диким и нелепым. Что это! Разве эта крупица может дать хотя бы приблизительное представление о Шуклине-актере, о Шуклине-светличке в актерском ремесле, о Шуклине — обязательном и всегда увлекающем партнере в игре.

Мы все знали, насколько серьезно болел Шукин. Врачи неоднократно советовали ему пасть себя, работать поменьше, беречь силы. Но Борис Васильевич не мыслил себя вне работы, беззаветной, безудержной, не знающей никаких норм и физических границ. Спокойный, тихий, но любивший громкие слова и никогда их не произносивший, он бы обиделся и поспешил бы, если бы кто-нибудь ему сказал, что он «торчит» на своей творческой работе. По его горел, это мы все видели, чувствовали. И вот он стогорел.

Но я не хочу ни поверить, ни примириться со смертью Бориса Васильевича Шукина. Не только образ его, но и самое его существо, его жизнь, его творчество из стен нашего театра вынести нельзя. И Борис Васильевич всегда будет вместе с нами и всегда его улыбка, его товарищеский пример будут воодушевлять нас, помогать в нашей будущей работе. Всегда, при каждой нашей творческой победе, — а я уверена, что нашему театру еще предстоит одержать бесчисленное количество побед, служа своему родному народу, — мы всегда будем рядом с собою в наших рядах ощущать Бориса Васильевича Шукина, который никогда не умрет.

Е. Г. АЛЕКСЕЕВА
Заслуженная артистка РСФСР

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Пасмурный осенний день 1919 года. Я руковожу драматической студией на Павловской железной дороге. Готовим бытовую пьесу «Во дворе во флигеле». Неожиданно из строя выбывает исполнитель роли Якова Ивановича. Столь же неожиданно найден выход из положения. Кто-то из моих студийцев привел ко мне незнакомого парня в красноармейской шинели, пиарокопного, с застенчивой и совершенно не актерской улыбкой.

Я предложил Борису Васильевичу Шуклину — это его рекомендовал мне мой студийец — роль Якова Ивановича — типичного мелкого чиновника пререволуционной эпохи, человека с издержанной душой, с «достоверщиной» в характере.

Результаты первой актерской работы Б. В. Шукина поразили меня, к тому времени уже довольно опытного театрального работника. Мое внимание было приковано к молодому незнакомцу не только потому, что у него оказались необходимые актерские данные, но потому, что он очень внимательно и с большим пониманием выслушивал и усваивал режиссерские указания. Нет, поразило меня именно этого почти начинающего любителя по-своему сознательно выполнять то, что предлагал ему режиссер. Мы почувствовали, какой хороший, настоящий, полезный и одаренный человек мог бы получиться из Якова Ивановича, если бы его не зашил звериный строй капиталистической России.

Я навсегда запомнил этого безвестного юншу. Я хотел поближе познакомиться с ним, заняться поближе его актерским воспитанием. Но он так же бесследно исчез из нашей студии, как неожиданно и не появился. И только в 1922 г., на спектакле «Принцесса Турандот» в 3-й студии Художественного театра, я обратил внимание на игру исполнителя роли Тарталю. Театральная программа с фамилиями участников спектакля мне ничего не говорила. Это все была начинающая молодежь, творческая жизнь и слава которой были еще цветком в будущем. Но вот в последнем атракте я познакомился с некоторыми актерами студии и среди них также и со Шуклиным, — фамилию его я к тому времени даже успел позабыть.

И тогда я в Тарталю узнал исполнителя Якова Ивановича. Так начался след за актерским путем Бориса Васильевича Шукина. И в каждой роли, которую он исполнял, я всегда больше и острее всего ощущал исполнителя роли человека.

Это ощущение стало неизменной уверенностью в один из вечеров октября 1938 г. Это был торжественный вечер, посвященный 40-летию МХАТ СССР им. Горького. Делегация московских театров приветствовала юбиляра. Они выступали с чтением отрывков из своего репертуара. Вот на сцене народный артист СССР Б. В. Шуклин и Н. М. Толчанов. Разыгрывается эпизод из 3-го акта «Человека с ружьем» — сцена встречи Ленина с Шадриным в коридоре Смольного. Внимание зрительного зала — а зрительного зала было много актеров, зрителей очень трудно, воображение которых овладеет не легко, — было приковано к игре Шукина уже после первых выступлений реплик. Через 20 лет я снова почувствовал то неповторимое ощущение актерской свежести, «аэрогастики», подлинной художественности, которым меня поразила в октябре 1919 г. безвестный молодой человек, пришедший в мою железнодорожную студию. Да, вот он, настоящий человек, сыгравший наконец эпизод незаурядным и необычным актером, который все 20 лет служения театру метал о настоящее, подлинное, освобожденное человека. Сцена продолжалась всего несколько минут. Шуклин стал спускаться своей характерной, почти по актерской походкой, по железным ступеням площадки на авансцену. Выясился разворот Владимира Ильича Ленина с безвестным солдатом революции Шадриным. Зрительный зал проявил необычайную экспансивность. Он весь поднялся и долго несомненно рукоплескаями провозгласил великого советского актера, с такой глубиной и правдивостью сыгравшего роль величайшего человека, подлинно ослепшего своим гением за торжество социалистической революции.

В. О. ТОПОРОВ
Народный артист РСФСР

ПОХОРОНЫ Б. В. ШУКИНА

Москва хоронила вчера выдающегося мастера советского искусства — народного артиста СССР Бориса Васильевича Шукина. С утра, как и накануне, тысячи москвичей шли в театр им. Вахтангова отдать последний долг гениальному актеру, горячо любимому советским народом.

В последний менах почетного караула стоят гг. А. Я. Вышинский, М. Б. Храпченко, А. В. Солодовников, И. М. Москвин, А. В. Нежданова, С. М. Михоэлс, Р. Н. Симонов, М. И. Ромм, Б. Е. Захава, Н. И. Охлопков и др.

15 часов. Открывается траурное собрание. С речью от имени Правительства выступает заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. А. Я. Вышинский.

— Мы хороним сегодня, — говорит тов. Вышинский, — одного из замечательных советских людей, одного из талантливейших мастеров советского драматического искусства, народного артиста СССР Бориса Васильевича Шукина.

Смерть оборвала жизнь этого замечательного человека в самом расцвете его сил, совсем еще молодого, полного кипучей энергии и неиссякаемых богатств жизни, всего себя отдавшего великому делу служения своему народу, своей родине.

Смерть оборвала эту замечательную жизнь в дни нового торжества великих освободительных идей социализма, в дни, когда новые миллионы людей, освобожденных державной рукой великого Советского Союза от панского гнета, приобретают к новой жизни, к новому счастью, к советской культуре, собирая в себя всю силу, свежесть и красоту советского гения, одним из представителей которого был Борис Васильевич Шуклин.

Смерть оставила сердце этого замечательного человека, заставила его горячие и пламенные сердце навсегда замолкнуть в дни, когда с новой и исключительной силой сказались слава советского государства, первого социалистического государства рабочих и крестьян.

С именем Шукина связана теснейшим образом новая история театра, история советского театра и советского кино.

С его именем связаны блестящие успехи подлинно социалистического реализма, нашедшего в Борисе Васильевиче Шуклине одного из выдающихся своих представителей.

Десятки созданных Шуклиным блестящих сценических образов навсегда останутся непревзойденными образцами советского театрального мастерства, правдивого, искреннего, мужественного и радостного, как сама жизнь, как борьба, как победа.

Борис Васильевич Шуклин пришел в театр из самой гущи жизни. Он и остался верен жизни до конца. Поэтому-то так пленительны созданные им образы, потому-то так обязательно шуклинское творчество, потому-то оно так близко, понятно и дорого народу.

В 1936 году Шуклин получил звание народного артиста — это вполне соответствовало всенародному признанию.

Это было всего лишь три года тому назад. По какой блестящий путь новых побед прошел Шуклин за эти три года!

В дни 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции Шуклин создает в театре и в кино образ гениального вождя социалистической революции Владимира Ильича Ленина.

Это была замечательная победа — и не только блестящего мастерства Бориса Васильевича, — это была победа всего советского искусства, всей советской культуры...

Талант Шукина был необычайен. Только актер такого громадного таланта мог дерзнуть взять на себя такую задачу, как за-

дача создания образа гениального вождя пролетарской революции В. И. Ленина. Такую задачу мог взять на себя только великий художник, человек величайшей человеческой правды и чистоты, человек безгранично преданный делу Ленина—Сталина, великий патриот страны победившего и всеобщего социализма.

Шуклин взял на себя эту задачу и блестяще ее разрешил. Этой заслуге Шуклина советский народ никогда не забудет.

Мы склоняем свои головы перед прахом Бориса Васильевича Шукина. Светлая память о нем будет всегда жить в каждом из нас, в каждом, кто горит, как горел тов. Шуклин, огнем неугасимой любви к родине, к нашему народу, к делу партии Ленина—Сталина.

Неизмерима понесенная советским искусством утрата. Борис Васильевич Шуклин служил передовым идеям передовой в истории человечества эпохи. Он служил великим идеям коммунизма.

Пусть же его жизнь, светлая и полная могучей радостью творчества, будет примером всем его друзьям, ученикам, почитателям.

Выражая от имени Правительства Союза ССР великое соболезнование семье Бориса Васильевича, коллективу вахтанговцев и всем работникам искусства, в связи с понесенной всеми нами великой утратой, я выражаю одновременно уверенность, что работники советского театра и советского кино, следуя славным традициям Бориса Васильевича Шукина, будут высоко держать знамя социалистического искусства в непримиримой борьбе с врагами нашей родины, в борьбе за великие идеи большевистской ленинско-сталинской партии, за коммунизм.

На трибуне — М. Б. Храпченко — Борис Васильевич Шуклин, — говорит он, — был тем большим художником-гражданином своей родины, для которого искусство неотделимо от служения народу.

Советский зритель, советский народ глубоко благодарен Шуклину за его изумительный труд, давший возможность трудящимся всего мира увидеть на экране жизнь и деятельность Ленина — великого борца за счастье людей.

Взвем с речью выступил зам. председателя Комитета по делам кинематографии тов. Н. П. Савченко, народные артисты СССР Н. П. Михелов и С. М. Михоэлс, режиссер М. И. Ромм, представитель Краевой организации имени Ленина Военной Академии РККА им. М. В. Фрунзе полковник Н. Ф. Гарнич.

Возлюбившую речь от коллектива вахтанговцев произнес народный артист РСФСР Р. Н. Симонов.

Траурное собрание окончено. Урну с прахом Б. В. Шукина устанавливают на катафалк. Его выносят гг. Вышинский, Храпченко, Москвин, Симонов, Ромм и др. Сюрбуйто мелодия сменяет мощные звуки «Интернационала».

Печальная процессия направляется к Новодевичью кладбищу. Тысячи москвичей провожают останки Б. В. Шукина в последний путь.

Урна с прахом Б. В. Шукина погребена вблизи могил великих русских артистов и режиссеров — Б. С. Станиславского и Е. В. Вахтангова.

На кладбище с краткой прощальной речью выступил заслуженный деятель искусств Б. Е. Захава.

ХРОНИКА

Совет Народных Комиссаров СССР постановил принять похороны народного артиста СССР Б. В. Шукина на государственные счеты.

ВСЕМОГУЩИЙ ХУДОЖНИК

Умер величайший артист нашей эпохи — Борис Васильевич Шуклин.

Величайший артист эпохи! Повторяешь эти слова и думаешь, как много они значат, как редко можно их произнести и как бесспорны они сейчас.

Умер гениальный художник, навеки связавший свое имя с образом Ленина.

Творения Шукина — это огромные полотна. Каждый новый выход Шукина на сцену превращался в событие, развешенное появлением нового романа у большого писателя или новой симфонии у выдающегося композитора.

Ему свойственны какал-то особая русская широта, особый размах, отличающие всех могучих художников великого народа. Толстой, Мусоргский, Горький, Маяковский — в этом ряду стоит и астиногорский гений Шуклин.

В спектакле или фильме он определяет собой не только непосредственно созданный им образ, но и все произведение. Такова сила и власть его беспредельного сценического обаяния, его покоряющего искусства, исполненного титанической жизнеутверждающей силой.

Вспомним премьеру «Егора Бульчезова». Зал Вахтанговского театра содрогался от оваций. Высокий, худой Горький застенчиво стоял на сцене рядом с небольшим Шуклиным, но все видели: великий писатель нашел себе актера по-луче.

Теперь уже нет Горького, нет Шукина. Их встреча подлила нас на вершины искусства. Это был день, когда социалистический реализм одержал одну из самых крупных своих побед.

Как был «найден» Бульчев Шуклиным? Непостижимо. Тут восторжествовала всепроникающая мудрость таланта, которую нельзя постигнуть логикой. Шуклин не сыграл перед нами Бульчева, а прожил его жизнью.

Шуклин как бы физически перевоплотился в Ленина. Выполняя самую высокую, головокружительную смею для артиста задачу, Шуклин добился такой свободы в игре, такой гармонической, родственной цельности жестов, взгляда и голоса, какая может быть достигнута только самой природой, когда внешне черты и движения человека сжигаются друг с другом в тетение всей его жизни.

Како надо иметь огромное сердце, какую чистую душу, как надо любить свой народ, чтобы так сыграть Ленина!

Мы нетерпеливо ждали новых художественных открытий Шукина. Мы готовились к празднику новой встречи с любимым актером. Еще несколько дней и долгожданная минута наступила бы. Мы увидели бы Шукина—горюничего. И как Горький в «Бульчеве» оставил далеко позади себя образы купцов в драматургии Островского, так, вероятно, и Шуклин внес бы новое в классический, традиционный образ горюничего, созданный лучшими мастерами прошлого, потому что, как и всегда, осветил бы свое сознание зрелостью нашего времени, мудростью социалистического общества.

Вслед за горюничим мы увидели бы Шуклина—Кутузова. Он думал о Фомусове, мечтал о Лире и, кто знает, какие еще мечты и замыслы таил в себе этот всемогущий художник.

Четыре месяца тому назад я видел Бориса Васильевича в Кремле на приеме участников лекции киргизского искусства. Он был болен. Медленно и долго, ведомый пох руку Мансуровой, поднимался он по лестнице Большого Кремлевского дворца, останавливаясь через каждые несколько ступенек, чтобы успокоить свое сердце.

И вот оно перестало биться. Шуклин умер.

Но великие творцы в день смерти встают перед живыми во весь свой гигантский рост. Создают незабываемые образы, Шуклин и сам предстает перед нами прекрасным, драгоценным созданием социалистической культуры.

Тот, кто создал первый и непревзойденный образ Ленина, — не может умереть.

Он — знамя советского театра!
А. ГУРВИЧ

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

НИКОЛАЙ ПОГОДИН

Десять лет тому назад в театре им. Вахтангова ставили мою первую пьесу «Темп». Я не знал, что такое театр, и впервые сталкивался с актерами. Мне все нравилось, прежде всего потому, что мою пьесу собирались поставить на сцене. Когда я впервые услышал, как читают мой текст вслух, то я пришел в блаженное состояние.

В большом фойе театра за столом в группе актеров сидел тихий, несколько задумчивый человек. Он с улыбкой подозрительно со мной и неожиданно весело и свободно предложил мне место рядом с собой. Потом у них снова пошла работа над пьесой, так называемое вскрытие текста. Постепенно присматриваясь к делу, я кое-что понял, и главное, что тогда меня удивило и до сей поры запомнилось, это было знание народных характеров, которые рабаирал этот мягкий и скромный человек, уславивший меня рядом с собой.

В перерыве я спросил — кто это? Мне сказали, что это актер Шуклин, Борис Васильевич, один из учеников Вахтангова. Ему поручили роль Ермолая Лаптева — костюмчика-строителя, он же велет теперь репетиции с группой актеров, игравших деревенских людей в пьесе.

Я лучше знал моих героев, чем сумел написать о них. Но откуда он знает их, этот Шуклин? — думал я.—Он же актер... интеллигент. Сидит у себя в театре, где не бывает, никого не видит. И мало того, что он их прекрасно знает, точно не раз жила в артелях строителей, но он так вскрывал текст, что мне казалось, будто он давным-давно знал, о чем я пишу в этой пьесе.

Это была, конечно, моя профессиональная наивность, но в тех первых впечатлениях я подметил зерно шуклинского дарования — народность.

Вспомню, что это был народный артист в чистом смысле этого слова. У нас часто популярность смешивают с народностью. При мастерстве нашего искусства сделать «известными» не так уж трудно. Народность, на мой взгляд, это прежде всего чувство самого прекрасного, что таит в себе народ.

А что это такое в жизни, когда художник создает свои образы? Вот Шуклин репетирует роль Ермолая Лаптева. Это старый крестьянин-костромич. Он темен настолько, что не дает осмотреть себя, когда заболелает. Можно даже сказать, что он дик, и в этом не будет большой натяжкой. Не знаю, но он не был натуральным Ермолаем, он не делал чистокостромского выговора и не напевал отрывочного парика. По-моему, он чистко по-шуклински понимал народность и по-шуклински любил народное.

Он удивительно работал. С громадным дарованием он сочетал громадную трудо-

способность. Рассказывают, что Егора Бульчезова он репетировал пьесе-то на Воле, когда отхлял, и так вывел свои решения этого потрясающего образа.

В умрашом от рака Бульчезова Шуклин играл жизнь. Это была трактовка огромного принципиального значения, которая будет иметь влияние на целые поколения актеров. Решение именно так, а никак не иначе играть Бульчезова, явилось в результате удивительной работы, которую редко видит посторонние и почти никто не знает.

Теперь кто же станет играть в Егоре Бульчезова болезнь? Хотя такая схема будто бы напрашивается сама собой. Бульчев — один из последних представителей капитализма и он умрет от неизлечимой болезни. Так что же играть актеру? Болезнь, конечно.

Но Шуклин решил не так. — Не надо болеть. Улыбнулся. — Нехорошо болеть... не в этом дело. — А лалти? — И лалти тоже не надо.

Роль была слабая, образ был выписан в одну краску: темный человек—и все. Как часто и много играл на нашей сцене темных мужиков — ужасных, мрачных, натуральных. «Не в этом дело», — Шуклин играл мягко... может быть, слишком мягко? Не знаю. Но он не был натуральным Ермолаем, он не делал чистокостромского выговора и не напевал отрывочного парика. По-моему, он чистко по-шуклински понимал народность и по-шуклински любил народное.

Он удивительно работал. С громадным дарованием он сочетал громадную трудо-

М. Ромм монтировал дни и ночи. В театре шли последние репетиции пьесы.

Что должен был переживать в те дни Борис Васильевич, вставший впервые играть Ленина!.. А вдруг... Это допустимо «вдруг» переживало все. Если бы картина не удалась, то несомненно Шуклин не стал бы и не мог бы играть в спектакле... Театр к 20-й годовщине ничего бы не показал.

Идет первая генеральная репетиция. Шуклин странно ведет себя на сцене. Он является как-то автоматически и так тихо проносит свою заключительную речь, что мы его почти не слышим в пятом ряду.

Мы понимали, что ничего не случилось. Шуклин поступил правильно. Он ждал и не тратил попусту сил. Но духе этого не понимали или не хотели понять. И вот очень спокойные и весьма просветленные люди, руководившие в то время делами искусства, после просмотра репетиции стали давать свои замечания и указания. Сначала они говорили о том, какие ошибки делают те или другие исполнители спектакля, и, наконец, перешли к Шуклину... Почему он так тихо говорит?... Ленин так же говорил.

Шуклин встал. — Я лучше уйду, — так же тихо, как и на сцене, сказал он. — Почему? — удивленно спросили у него.

— Вы мне наговорите и, боюсь, собьете меня, а мне завтра играть.

Вечером мы узнали, что первый фильм о Ленине выйдет на экран, и на другой день Б. В. Шуклин играл в полный голос. Так, как его видел зритель в театре и на экране.

Прощай прекрасный человек, любимый актер.

Литературный календарь

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

7 октября исполнилось 75 лет со дня смерти Аполлона Александровича Григорьева — талантливого поэта и критика, принадлежавшего к числу забытых деятелей русской литературы.

Григорьев родился в 1822 году в Московском университете (1838—1842) обнаружилась его выдающиеся способности. Здесь он сблизился с кружком, в который входили Полонский, Фет, Ив. Аксаков. В кружке увлекались Гегелем, читали Белинского. В 1843 г. в журнале «Москвитин» появились первые стихотворения Григорьева; спустя год в Петербурге выходит небольшой сборник его стихов, отмыченный рецензией Белинского.

В журнале «Репертуар и пантеон» Григорьев помещает свои переводы, стихи, статьи о литературе и театре. Около года (1844—1845) продолжается его увлечение идеями утопического социализма; Григорьев посещает кружок Петрашевского, пишет революционные стихи.

В начале 50-х годов Григорьев становится ближайшим сотрудником поединского «Москвитина», возглавляя так называемую «молодую редакцию» этого журнала.

Период работы в «Москвитине» — период расцвета литературно-критической деятельности Григорьева. Теоретические взгляды «молодой редакции», ее отношение к вопросам искусства по существу противостояло радикальной журналистике и складывавшемуся в эти годы демократическому движению. Но убежденность Григорьева в своей правоте была столь велика, он о такой страсти отдавался пропаганде любых идей и писателей, в творчестве которых видел реализацию своих теорий (например в творчестве Островского), что даже Чернышевский, говоря о заблуждениях Григорьева, отметил, что в его «самых странных тиражах», видел ум, энергию, искренность и горячее увлечение тем, что представляется ему истинным.

Поэтическая деятельность Аполлона Григорьева представляет большой интерес. Правда, мир поэзии Григорьева ограничен субъективными переживаниями и настроениями. Белинский писал в своей рецензии: «Григорьев — почти неизменный герой своих стихотворений. Он — певец вечно одного и того же предмета — собственного своего страдания». Но сила Григорьева заключалась в большой искренности, в эмоциональной насыщенности его лирики, в пафосной напряженности его стиха, восходящей к Лермонтову, влияние которого отмечал и сам Григорьев. Его стихи высоко ценил Александр Blok. Издавший их в 1916 г. отдельной книгой. Независимости многих стихов Григорьева, их песенный склад, отражавший увлечение поэта народными песнями и цыганскими романсами, способствовали тому, что целый ряд его песен приобрел большую известность, входя в репертуар старой эстрады (таковы стихи о гитаре — «Подруче семиструнной», такова знаменитая «Цыганская венгерка», старинный романс «Нет, за тебя молиться я не могу»). Сам Григорьев любил петь свои стихи, аккомпанируя себе на гитаре.

Обычно стоят политические стихотворения Григорьева («Горю», «Прощание с Петербургом», «Когда колокола торжественно звучат» и др.), связанные с его личной близостью к кружку Петрашевцев. Еще Белинский отметил, что стихи Григорьева «бывают силен и прекрасны», когда он одушевляет негодование, превращается в бич сатиры, касаясь некоторых явлений действительности. Это полностью относится к названным стихотворениям, в которых Григорьев поднялся до смелого обличения императорского Петербурга, до предсказания народной революции, о которой должен возвестить вечный колокол:

И звучным голосом он снова зазвучит,
И в ovaj судный день, в распыл чаш кровавий,
В нем новгородская душа заговорит,
Его следом речью величайей...

И в это время на башнях и стенах Народной воли звучит красный шаг... Аполлон Григорьев обладал выдающимися литературно-критическим дарованием. В его статьях о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Островском, Толстом разобрано множество интересных наблюдений, ярких мыслей. Но ценность его работ ограничена предвзятым подходом к литературе, настойчивым стремлением истолковать творчество крупнейших русских писателей с точки зрения должно повятой идеи «народности».

Григорьев резко выступал против дворянской, «великосветской» литературы и эстетики. Он был чужд и понятиям обидчивой народности, насмешливости и славянофильства. Григорьев подерживал своей декоративной любовью к народу. Но на самом деле он был далек от понимания настоящих народных нужд.

Пolemика Григорьева с «Современником», со статьями Добрылюбова об Островском выгодно показавшая, как ложные убеждения и взгляды ограничили и сузили огромные возможности этого талантливого критика.

В. Ж.

Литературное наследие А. Блока

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Комиссия, выделенная ЛенСОН для приема литературно-мемориального наследия А. Блока (в связи со смертью жены поэта Л. Д. Блок), закончила свою работу.

Председатель комиссии Владимир Орлов в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сообщил следующее:

Как и следовало ожидать, в богатом архивном собрании Блока обнаружено множество рукописей и материалов переопределенного историко-литературного значения. Сохранились черновые и беловые рукописи почти всех его произведений, в том числе 10 тетрадей, куда Блок из года в год переписывал свои стихи. Интересны разные редакции поэмы «Воеводы», драмы «Рога и кресты» и других произведений. Среди стихов и прозы Блока, написанных в ранней юности, особенно любопытны неопубликованный комплект рукописей журнала «Вестник», который выпускался мальчиком Блоком. В архиве имеется также много семейных бумаг, черновых писем Блока, автографов русских писателей — современников Блока. Сейчас произведена предварительная опись литературного наследия Блока. В ленинградских писательских кругах возник вопрос о создании музея в квартире Блока, где он жил последние годы и умер. Надо сказать, что Л. Д. Блок сохранил ряд интересных предметов на домашнем и личном обихода поэта, имеющих немалое значение. Вопрос о дальнейшем судьбе литературного наследия Блока будет обсужден на ближайшем заседании президиума ленинградского союза писателей.

Литературная газета

№ 56

ПЕСНЯ О ЗАПАДНЫХ БРАТЯХ

Музыка М. Ковалы

Граница пряталась в предутренний час.
Прохладой тянуло с озер.
Прочел перед отроком короткий приказ
Спокойный и смелый майор.

Как много в негромкой команде:
«Вперед!»

И братской любви и тоски.

И стройная цепь эскадронов и рот
Границу страны перешла.

У хижин убогих в ломотях своих
Встретали бойцов старши.

Лучами надежды сверкнули для них
Советских дивизий штыки.

И девушки, те, что дружили с жетой
На горькой земле нищеты, —
Пошли бойцов украинской войной,
Несли им навстречу цветы.

Ведут бандуристы по селам расказ,
Как жили в неволе бойлы,
Как яркое солнце в предутренний час
Возшло над свободной землей.

Ценная работа без движения

Фольклорист С. Мирер в течение пяти лет собрал рассказы людей, встречавшихся с Лениным. С Мирер обещали ряд городов, в которых бывал и жил Ленин, и собрал в общей сложности около 100 печатных листов записей. Образ гениального вождя всего человечества в этих записях вытекает таким, каким он вошел в сознание его современников и участников великой борьбы за социализм наших дней. Но все в этих записях равнозначно, но множество драгоценных деталей, рисующих человеческий облик Ленина и быт неповторимой эпохи, сохранились в памяти людей. И эти детали, отдельные наблюдения составляют самое ценное в работе Мирера. Записи эти в то же время являются и документом нашего времени, в равной степени характеризующим и людей, среди которых жил великий Ленин.

Не приходится, казалось бы, доказывать ценность подобной работы фольклориста, а тем не менее, благодаря непостоянному равнодушию наших издательств, работа С. Мирера лежит уже несколько лет без движения. Отдельные ее отрывки недавно были напечатаны в двухтомном произведении о Ленине, вышедшем в Гослитиздате (редактор Р. Коватор). Но и тут почему-то имя фольклориста, сделавшего эти записи, вычеркнуто. Почему? Труд С. Мирера, собранного ценнейшего материала о Ленине, должен быть опубликован в достойном к себе отношении. Мы обращаем на это внимание и издательства и фольклорной секции союза писателей.

К. З.

Конкурс на лучшую песню

ИРКУТСК. (От наш. корр.). На днях являсь закончился конкурс на лучшую песню, объявленный в апреле этого года иркутским отделением союза советских писателей, областным издательством и редакцией газеты «Восточно-Сибирская правда» и «На боевом посту».

На конкурс поступило свыше 700 песенных текстов. Песни прислали из Читы, Красноярска, Москвы, Бодайбо, из глухих таежных селений. Писали не только поэты-профессионалы. Рабочие, учителя, красноармейцы, студенты и колхозники создавали порой поэтически неумелые, но волнующие и искренние стихи о нашей родине, любимых вождях, о мощи Красной Армии, о героях забайкальских партизан.

В результате рассмотрения поступивших материалов жюри присудило три премии: одну вторую (750 руб.) и две третьих (по 500 руб. каждая).

Вторая премия присуждена 69-летнему инвалиду труда Александру Ивануовичу Тудубею (г. Москва), автору живой и яркой песни «Красноармейская пласова».

Третью премию получила «Песня о трех товарищах», написанная молодым поэтом, студентом Иркутского горно-металлургического института Юрием Федоровым.

Третья премия присуждена песне — «Золотым песком Млечный путь блестит» принадлежит М. Выбородату (село Гуранское, Тулунского района, Иркутской области) и представляет собой своеобразный поэтический сказ о Ленине и Сталине.

Ап. ГАЙДАЙ

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Газета «Русский курьер» в 1880 г. писала: «Белокаменная столица посетила еврейская опереточная труппа Гольфаден... Оперетты идут с хорошим ансамблем и благодаря вставным вариациям на еврейские народные мелодии, представляют известный интерес даже для тех, кто не посвящен в секреты живоко-еврейского жаргона».

Либеральные «Русские ведомости» брезгливо сообщали: «Вы, быть может, подумаете, что это оперетта из еврейской жизни и больше ничего? (Речь идет об оперетте Гольфадена «Ивей кушелем»). В том-то и дело, что нет: это в полном смысле слова еврейское сочинение, написанное на том самом языке, который громче всех звучит в Шкловце, Житомире, Бердичеве...»

Здесь сказано не одно только звериное юдофильство. Театр не различил и еврейской буржуазии. Еврейская оперетта с самого начала ее возникновения была театром сатирическим. Вот это-то и не устраивало еврейскую буржуазию. Были приняты меры, и веселая, сатирическая народная оперетта была «реформирована», ее место заняла менашекая националистическая пошлятина, разрабатывавшая в продолжение почти 50 лет еврейского зрителя и уже в наши дни подвергшаяся

справедливому осмеянию в спектакле Гоцева «Три изюминки».

Пришло время возродить, уже на новой основе подлинно народный еврейский музыкальный театр. Фольклор еврейского народа, его язык, острый юмор, его песни и пляски — неиссякаемый источник вдохновения для такого театра.

В прошлом месяце в «Эрмитаже» шли спектакли опереточной труппы, возглавляемой Анной Гузик, — замечательной артисткой, каких в этом жанре у нас мало.

У труппы нет постоянной площадки, труппа принуждена работать в системе Голострады. Это — бродячий театр, пробирающийся себе дорогу в жизнь антуражом и тем подлинным огнем искусства, о котором мы так много разговариваем и так нетерпеливо ждем его от театра.

Игры оперетты П. Петрова-Сokolовского «Бейлка» сюжет из современной жизни, но хитрый (что, между прочим, непохоже для оперетты), музыка построена на народных мелодиях, и театр пересыпан солью еврейского языка. И, что осо-

бенно приятно, в спектакле чувствуется типичность и характерность персонажей. Это правильный путь для развития всенародного, жизнереального, сатирического, жанрового народного театра. Оперетта у нас на заворках, и это очень жаль. Оперетта, как правильный путь, может выявлять неисчерпаемые богатства подлинного народного творчества.

У нас есть великолепная старая украинская оперетта. Наша русская оперетта притягивает почти исключительно западной музыкой и приспособленными к ней либретто более чем сомнительного качества. Вот поэты и все. А сколько у нас музыки в наших республиках, у наших советских народов! Сколько желаний, смеха, радости, юмора, сколько языковых богатств!

Мы должны всеми силами поддерживать инициативу возникновения хорошего опереточного жанра, как мы поддерживаем инициативу создания республиканской драмы и оперы.

Труппа, обитавшая вокруг Анны Гузик, бедна и бездна. Труппа с чужью доказала московскому зрителю свое право на существование. Нужно ей помочь, дать ее огню разгореться. Комитету по делам искусств нужно проявить должное внимание к еврейской оперетте.

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ

Еще 7 августа президиум ССР принял решение о подготовке к десятилетней годовщине со дня смерти великого советского поэта В. В. Маяковского.

К 14 апреля 1940 г. (день годовщины) решено было выпустить большим тиражом 12-томное собрание сочинений поэта, издать 200-тысячным тиражом одностопник его избранных стихов, роскошное издание избранных произведений, массовые книжки поэта.

Решено было также серьезно поговорить о заботы кинодраматургии Маяковского, о постановке в этом театральном сезоне его пьес, о создании музыкальных произведений на тексты и темы гениального поэта. Президиум союза просил Комитеты по делам искусств и кинодраматургии решить вопросы о постановке в 1940 г. пьес поэта, выпустить фильм о Маяковском и т. д.

Со времени принятия этого решения прошло два месяца.

Сосчитав за это время подготовил и сдал в печать два первых тома из 12. Одностопник избранных стихов даже не собран, о роскошном издании пока и не думают. Пройдет еще два месяца, и будет физически невозможно обеспечить выпуск книг в нужный срок.

Насколько нам известно, в других организациях еще хуже готовится к десятилетью со дня смерти поэта. Издательство «Искусство» отказывается даже заключать договоры на работы о театре Маяковского, о его драматургии. Типичная бюрократическая отговорка — план 1940 г. еще не утвержден.

Комитет по делам искусств «пока еще не разговаривал с театрами» о пьесах поэта.

Год тому назад Комитет также вычеркнул из плана издательства пьесы Маяковского на том основании, что-де все равно их никто не ставит и ставить не будет.

Коротко говоря, подготовка к десятой годовщине со дня смерти гениальнейшего поэта нашей эпохи по-настоящему еще не началась.

«БРАТЯ»

Деталат ЦК ВЛКСМ на днях выпускает сборник «Братья», в котором собраны рассказы, очерки и стихотворения, посвященные освобождению народов Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских панов.

Среди других в сборнике помещены рассказы, очерки и путевые заметки Валентина Каталева, батальонного комиссара С. Марасанова, младшего командира Н. Ковалева, пулеметчика А. Тарасенко и стихотворения В. Лебедева-Кумача, С. Маршала, С. Кирсанова, В. Гусева, Максима Рыльского, М. Исаковского, А. Острейко, Е. Рывиной.

Сборник издается тиражом в 50 000 экземпляров. Иллюстрирован он многочисленными рисунками и фотографиями. Кроме того, Детиздат вновь переиздает для детей дошкольного возраста «Иностранку» Н. Вирта. Новое издание значительно исправлено и дополнено. В частности, автором написана новая глава, в которой рассказывается о летим об освобождении трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии от ига польских панов. Издается книга с рисунками А. Борской тиражом в 200 000 экземпляров.

ДЕКАДА АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА

Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР с 20 по 29 октября включительно проводит в Москве декаду армянского искусства.

В столицу предует: Государственный армянский театр оперы и балета им. Спендиарова (527 человек), Государственная армянская филармония (350 человек), в которую входят: ансамбль народных инструментов, хор, ансамбль народной песни и пляски, государственный джаз, заслуженный коллектив квартета им. Комитая и солисты филармонии — певцы, танцовщицы и члены.

Предлагаемые программа и календарь спектаклей таковы:

Театр им. Спендиарова покажет три оперы: 20, 21 и 22 октября — «Алмаст», музыка Спендиарова по поэме Ованнес Туманяна (либретто Паветт и Ахунян); классическая опера о героическом прошлом армянского народа. Дирижирован оперой Булагян.

22 и 23 октября будет идти опера «Лусавица» («На рассвете»). Эта опера — о борьбе армянского народа о лашаками — написана советским композитором Степаняном. Дирижирован Тавризан.

25 и 26 октября пойдет опера «Ануш», написанная в 1912 году композитором Тиграняном. «Ануш» — лирико-драматическая опера о жизни крестьян Армении в конце XIX века. Дирижирован Тавризан.

24 и 27 октября представлено будет балетный спектакль «Счастье». Музыка — композитора Хачатуряна, дирижер — Сардаев.

29 октября состоится большой заключительный концерт, в котором примут участие все музыкальные коллективы Армянской филармонии и солисты театра оперы и балета им. Спендиарова.

Художественный руководитель декады — народный артист РСФСР Р. Н. Симонов.

В Музее новой западной живописи в дни декады будет открыта выставка изобразительного искусства Армении, посетители которой ознакомятся с живописью, скульптурой и графикой Армении.

Новые книги

Государственное издательство «Искусство» в ближайшие дни выпускает новые книги:

— П. А. Марков — «Театральные портреты». Сборник статей.

В сборнике помещено 14 статей: «О советском актере» (вместо предисловия), Ермолова, Южин, Орленев, Москвин, Качалов, Леонидов, Степан Кузнецов, Певцов, Алес Коопен, Игорь Ильинский, Серафима Бирман, Хмелев, Шулгин.

— Б. В. Зон — «Спектакль «Скажи Пушкина». Сценарическая редакция Нового театра юных зрителей в Ленинграде.

В книге дана запись спектакля, в которую вошли три сказки: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о поле и о работнике его Балде».

«Привык». Эстрадный сборник. Составители М. С. Гурберг и Н. А. Болберг.

Письмо в редакцию

Уважаемый товарищ редактор!

В «Правде» от 14 сентября я г. была помещена корреспонденция из Ленинграда под названием «Архив «Отечественных записок»». В этой корреспонденции сообщалось, что литературоведами В. Е. Евгеньевым-Максимовым и Б. В. Панковским обнаружены в архиве Института литературы Академии наук гонимые в восточном «Отечественных записок» за 1871 г., из которых видно, что включенные в восьмой том полного собрания сочинений Шелли на 13 анонимных рецензий за этот год принадлежат Н. С. Курочкину.

Как редактор текста восьмого тома считаю своим долгом заявить, что такое безападноное утверждение основано на меньшей мере на недоразумении. Дело в том, что Н. С. Курочкин заведывал библиографическим отделом «Отечественных записок», и Некрасов, чтобы не затруднять себя двойными расчетами, мог через его посредство расплачиваться с рецензентами за мелкие заметки. Такое предположение подтверждается тем обстоятельством, что по имеющимся у меня сведениям, Н. С. Курочкину выписывался гонимый почти за все отзывы о книгах, напечатанные в «Отечественных записках» 1871 г. Таким образом, слепо доверия платящим восточным рецензиям, пришлось бы библиографическим отделом журнала был в этом году чужды ли не единственным его рецензентом! Если вспомнить, что в «Отечественных записках» помещались отзывы о книгах по самым различным отраслям знания, то несостоятельность такого вывода станет очевидной. Показав же самого Н. С. Курочкина о характере его работы в «Отечественных записках», изложенные им в литературной анкете, которой я располагал, лишь раз предостерегаю от поспешного заключения, сделанного вышеизванными литературоведами.

Но очевидно всего свидетельствуют против отнесения рецензий Шелли к литературному наследию Н. С. Курочкина сами эти рецензии. Однако исследователи гонимых рецензий не останавливались ни перед какими препятствиями. Достаточно сказать, что в число 13 рецензий, приписанных ими Н. С. Курочкину, входит и отзыв на «Повести» Лейкина, в котором сатирик почти дословно воспроизвел свои замечательные возражения Суворину в ответ на его либеральную критику «Истории одного города». Эти возражения перед тем он направил в редакцию журнала «Вестник Европы», где появились статьи Суворина, но там они не были опубликованы. В число 13 рецензий входит и отзыв о «Сююях» Я. Полонского, на который последняя ответила Шеллину полемической брошюрой. Думается, что эти примеры достаточно ясно свидетельствуют о том, к чему приводит неправильное истолкование документальных данных.

С. БОРЩЕВСКИЙ.

Театр комедии

В Москве создан новый Театр комедии. В труппу приглашены талантливые актеры, уже хорошо известные зрителям, заслуженные артисты республик орденосцы И. Пельцер и Л. Орлова, комедийная актриса Н. Нурм, Е. Самойлов, талантливые актеры периферии В. Баранова, В. Дорони и другие. Художественным руководителем театра комедии утвержден народный артист РСФСР В. Станицкий, главный художник — П. Вильямс, консультант по репертуару драматург Е. Фини.

Перед началом работы состоялась встреча коллектива театра с драматургами и руководителями Московского управления по делам искусств. Тов. Станицкий сообщил о намеченном репертуаре. Первая постановка, которую начинает готовить новый театр, — комедия Кальдерона «Ламе невидимка». По заказу театра готовятся интересные пьесы по одному из лучших американских киноспенариев Роберта Рискина «Мистер Диле переезжает в город».

Большие трудности переживает театр при выборе советских комедий. Их очень мало, и качество этих комедий не удовлетворяет коллектив нового театра.

Театр будет показывать свои спектакли в театре им. Ленна (клуб «Трехгорной мануфактуры») и в клубе им. Бухми-стеров.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ выражает свое глубокое сочувствие семье, товарищам по работе и всем деятелям театральной культуры СССР по поводу смерти крупнейшего мастера советского искусства — Народного артиста СССР орденосца

Бориса Васильевича ЩУКИНА.

Дирекция, партбюро и местном ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА имени Евг. Вахтангова

с глубоким прискорбием извещают о внезапной кончине в ночь на 7-е октября замечательного мастера советского театра Народного артиста СССР, орденосца, незабвенного

Бориса Васильевича ЩУКИНА.

Коллектив Государственного театра имени Евг. Вахтангова

с бесконечным горем извещает о внезапной кончине любимого товарища и друга, великого советского художника, Народного артиста СССР орденосца

Бориса Васильевича ЩУКИНА.